

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ГУННХИЛЬД, СЕВЕРНАЯ НЕВЕСТА

Елизавета Дворецкая
Гуннхильд, северная невеста

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Гуннхильд, северная невеста / Е. А. Дворецкая — «Эксмо», 2014

После того как на пиру конунг Олав из рода Инглингов оскорбил Кнута, старшего сына Горма из рода Кнютлингов, две знатные семьи снова вступили на тропу войны. И пока Олав искал поддержки в соседних землях, его мать Асфрид и дочь Гуннхильд посчитали за лучшее просить защиты у своей дальней родственницы – королевы Тюры, жены Горма и матери Кнута. Красавица Гуннхильд, оказавшаяся в положении добровольной пленницы, почти сразу же сделалась невестой Кнута, вот только взгляд ее все чаще стал обращаться в сторону младшего сына Горма – Харальда. Но что может быть между ними, если Харальд, вначале принявший Гуннхильд за ведьму, относится к ней с подозрением, а настоящая злая сила таится прямо у них под боком?.. Книга также выходила под названием «Кольцо Фрейи».

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дворецкая Е. А., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Елизавета Дворецкая

Гуннхильд, северная невеста

© Дворецкая Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Южная Ютландия, около 950 года.

Пролог

Как положено семилетнему мальчишке, Харальд, третий из четырех детей конунга Горма и жены его, королевы Тюры, был любознателен, непоседлив и по-детски бесстрашен. И робкие дети порой совершают опасные для жизни или безрассудные поступки, даже не подозревая об этом, а Харальд, как истинный потомок конунгов, уже тогда поглядывал, не появится ли где дракон. В погожие дни он от зари до зари бродил по лесам и полям вокруг усадьбы Эбергорт, чаще во главе собственной «дружины» из мальчишек того же возраста, сыновей хирдманов и из челяди, а порой и один. Как в зрелом возрасте, так и в детстве Харальд, сын Горма, никогда не скучал в одиночестве: будучи общительным человеком, он умел и любил поддержать беседу с кем угодно и о чем угодно, но за неимением собеседника общества себя самого ему было вполне достаточно.

Дракон пока не появлялся, зато обнаружилась одна странность. Как-то осенним вечером Харальд заметил, как его сестра Гунн, самая старшая из детей Горма, выскользнула из дома и исчезла в лесу. При этом она воровато оглядывалась, будто не хотела быть замеченной. Гунн исполнилось пятнадцать лет, и два года назад ее обручили с Эйриком, любимым сыном прославленного норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого. Эта зима будет последней, которую Гунн проведет в родительском доме и вообще в Дании: летом за ней придет из Норвегии корабль, чтобы увезти к жениху. Харальд знал, что Гунн опасается отъезда в далекую страну, где ей придется жить среди чужих, – она нередко говорила об этом с матерью. Понимая, сколько явных и скрытых опасностей ей будет угрожать, она охотно изучала руны и обучалась составлять разнообразные заклинания. Сам Горм наставлял ее, понимая, что будущей королеве это пригодится. Гунн всегда увлекалась тайными силами, знала на память много разных заклятий, целебных трав, умела вязать заговоренные узелки. В семье ее в шутку дразнили колдуньей, а младшие братья, Кнут и Харальд, верили, что их сестра умеет ворожить.

Поэтому, заметив, как Гунн в одиночестве направляется к лесу, Харальд сразу насторожился. А вдруг удастся увидеть, как Гунн поедет верхом на волке? Или вызовет тролля из-под камня и заговорит с ним? Или поднимет мертвеца из старой могилы? И мальчик, таясь за кустами, устремился за сестрой.

Натоптанную тропу, ведущую в соседнюю усадьбу, Гунн давно оставила в стороне и теперь уверенно пробиралась по едва заметной стежке. Значит, не Торгерд, жену Регнера-ярла, она собралась навестить. Харальд прилагал немало усилий, чтобы не отстать и не потерять сестру из виду. Рослая, развитая для своих лет, светловолосая Гунн обычно была заметна в любой толпе, но сегодня, одетая в простую некрашеную одежду, в буром суконном плаще, она почти сливалась со стволами и ветвями унылого осеннего леса. Вот она оглянулась; Харальд поспешно присел за куст. А когда несколько мгновений спустя осторожно выглянул, сестра исчезла!

Прячась за ветками, он подобрался к тому месту, где видел ее в последний раз, но под искривленным дубом никого не было. Огляделся, но бурого плаща не приметил. Вокруг было тихо, сгустился между деревьями вечерний туман. А Гунн исчезла. Подумалось даже, что ее здесь и не было и все это ему померещилось. Или у нее плащ-невидимка?

Харальд вернулся домой, но о своем маленьком приключении никому не сказал. Не поделился даже с братом или своим лучшим другом, Сигвардом, сыном Регнера. Это теперь была его тайна, и он хотел разобраться в ней сам.

С этого дня Харальд стал по вечерам следить за Гунн и дня через три-четыре вновь увидел ее в буром плаще. Куда ей идти в такое время, да еще под моросящим дождем? И мальчик во весь дух пустился бежать к тому месту, где сестра исчезла в прошлый раз. Найти искривленный дуб с почерневшей от дождя корой ему удалось не сразу, но зато вовремя: едва он затаился

в кустах, как мимо торопливо прошла Гунн. Сегодня она выглядела более взволнованной, чем в прошлый раз, и почти бежала, не глядя по сторонам.

Взрослый наблюдатель решил бы, что у конунговой дочери свидание с каким-нибудь неподходящим парнем, но семилетнему Харальду это не пришло в голову. Он чуял здесь жуткую и увлекательную тайну и крался за сестрой, настороженный, будто охотник на тропе.

Шли они еще довольно долго, и Харальд уже побаивался, что не сумеет найти дорогу обратно. К тому же темнело, и он едва мог разглядеть в сумерках идущую впереди Гунн. Но пути назад не было, и он следовал за сестрой, будто привязанный невидимой веревкой.

Вдруг во мраке впереди блеснул огонь.

Девушка вышла на поляну. Будто окаменевший хоровод, здесь стояли высокие, в рост человека, серые камни. Между ними двигался огонек. Харальд испуганно присел: он не знал, что это за место, но ему сразу стало не по себе. Гунн остановилась возле ближайшего камня. Приглядевшись, Харальд разобрал, что там, в кругу, ходит женщина с факелом в руке. Она была уже далеко не молода, но ее длинные волосы были распущены, а на поясе висело множество каких-то мелких предметов. В другой руке она держала высокий посох.

И тут Харальд сообразил, кто это. Ведьма Ульфинна! Он слышал разговоры, что где-то в этом лесу с незапамятных времен живет старая ведьма. Она уже была, когда дед Хёрдакнут построил здесь усадьбу, состарилась здесь, потом стала опять молодой, потом снова состарилась. Многие не верили в это.

Зачем сюда пришла Гунн? Наверное, поучиться колдовству! Уж конечно, ведьма, которая умеет из старухи становиться снова молодой, может научить такому, чего больше никто не знает. Он огляделся, не привязан ли где-нибудь ездовой волк со змеями вместо поводий, но ничего такого не заметил.

Прижавшись к дереву, какое-то время Харальд наблюдал, как темная сгорбленная фигура с факелом в руке ходит от одного камня к другому, вроде бы разговаривая с ними – черная среди черных, похожая на еще один, оживший камень. Потом к ней подошла Гунн и что-то отдала. Обе женщины, старая и молодая, принялись кружиться, все быстрее и быстрее, выкрикивая непонятные слова и завывая. Факел чертил в темном воздухе сплошную огненную линию; было похоже, будто пламенные змеи вьются в темноте. Завороженный этим зрелищем, Харальд и забыл, что надо прятаться, а потом... Факел упал наземь и погас, и последнее, что мальчик успел увидеть – словно бы две черные птицы взметнулись в воздух и пропали.

И исчезло все: огонь потух, и мальчик больше не видел ни стоячих камней, ни ведьмы, ни сестры. Стояла тишина, и он чувствовал, что остался здесь совсем один! Только он, шепчущие деревья, молчащие камни...

Сколько он так сидел, оцепенев? Испугавшись вдруг, что сам окаменеет, Харальд вскочил и побежал обратно. Вершины леса едва виднелись на темно-синем небе, и он сам не знал, каким чудом находил дорогу. Он устал, задыхался, но бежал изо всех сил, а если бы мог, то помчался бы еще быстрее. Его не оставляло чувство, что молчаливые камни, давно скрывшиеся за лесом, все так же смотрят ему вслед, а две черные птицы вот-вот выпадут из темноты и вопьются в затылок кривыми железными когтями...

Но бежать ему пришлось не больше половины пути. Впереди послышались крики, лай собак, мельканье огней. Громкие голоса повторяли его имя – это Тюра и Горм, обнаружив, что младшего сына нет дома, послали челядь его искать.

Когда его наконец привели домой, Харальд не мог ответить на вопрос, что делал в темном лесу. Гунн оказалась уже там, сидела с женщинами у очага, пряла шерсть осенней стрижки и была не менее других встревожена исчезновением младшего из братьев. Он хотел сказать, что пошел за ней – и не мог. Хотел спросить у Гунн, правда ли она ходила этим вечером в лес – и не мог, будто забыл все слова или язык онемел. В конце концов его уложили спать, так и не добившись ответа.

* * *

Набегавшись и замерзнув, Харальд заснул сразу. А во сне опять очутился в лесу, но теперь это был другой лес – летний, светлый, приветливый. Кругом волновались цветущие травы, на ласковом ветерке шумели деревья, под ногами краснела спелая земляника. Навстречу ему вышла молодая женщина с распущенными волосами – чем-то она напоминала Гунн, и Харальд ничуть не испугался. Женщина подошла к нему, ласково улыбаясь, взяла за руку и куда-то повела.

Шли они недолго – во сне все происходит быстро. Не успел он оглянуться, как перед ними уже открылся домик – вросший в землю, с дерновой крышей, на которой пестрели цветы. Дверь была открыта, внутри заманчиво пылал огонь. Женщина подвела Харальда к двери и знаком предложила войти; без малейшего страха мальчик шагнул за порог... и вдруг провалился в яму.

Глядя вверх, на прямоугольник отдаленного света, он видел склонившуюся над ямой женщину: она уже не улыбалась. «Ты больше не будешь ходить в лес за твоей сестрой, – прозвучал холодный злой голос. – Ты забудешь обо всем, что видел. Ты не сможешь рассказать об этом, язык твой умрет, слова расплзутся из памяти».

Вдруг лицо ее стало покрываться морщинами, нос заострился, глаза провалились – красавица стремительно превращалась в старуху, седую и уродливую. А потом кожа сползла с лица, обнажив череп – это был мертвец, но седые космы по-прежнему свисали вокруг пустых глазниц и оскаленных зубов. Харальд закричал и забился – точнее, попытался, охваченный невыразимым ужасом, но не смог шевельнуться, не смог издать ни звука, как это часто бывает во сне. Все мышцы и язык сковала неодолимая тяжесть, душу наполнила безнадежность. Он понял, что пропал, совсем пропал, погибает и нет никакого пути к спасению. А мертвец стал бросать в яму землю; она сыпалась Харальду на грудь, на лицо, он чувствовал возрастающую тяжесть и вместе с тем ясно ощущал, как с каждым мгновением все дальше от него уносится дневной свет, свежий воздух, свобода, жизнь. Земли все больше, она уже лежит на его груди и лице, он больше не может вдохнуть и лишь задерживает дыхание, но понимает, что надолго этого не хватит, что у него впереди лишь несколько мгновений жизни. Стены смыкались наверху, заслоняя последние лучи света. Груда земли на нем уже так велика, что никогда ему не хватит сил стряхнуть ее и встать. И ее все больше, больше... Он погребен навсегда. Прощай, свет, воздух, жизнь! Это конец... Удушье разошлось по телу...

И все погасло. Теперь он знал, как умирают.

Харальд проснулся с диким криком, обливаясь потом. Подскочил спавший рядом старший брат Кнут, проснулись хирдманы, прибежала их бывшая нянька Аса, потом позвали мать. Харальд сидел на постели и трясся всем телом, держась за горло, стучал зубами и не мог говорить. Его напоили отваром из цветков вереска, лепестков шиповника и земляничного листа, что успокаивает и помогает уснуть, завернули в одеяло, и сама Тюра сидела с ним всю ночь, держа на коленях и укачивая свое младшее дитя. Его уже обучали воинским искусствам, и с осенних пиров он первую зиму жил в дружинном покое, но для Тюры все еще оставался маленьким мальчиком.

Кое-как рассказать о своем сне он смог только утром, после того как его умыли наговоренной водой и повесили на шею палочку с защитными рунами. Но говорил Харальд с трудом, спотыкаясь на каждом слове, а о своей вечерней прогулке к стоячим камням не упомянул – он просто об этом не помнил. Даже вид обеспокоенной Гунн не пробудил воспоминаний о том, что пошел-то он в лес по ее следам. Даже когда Тюра предложила дочери применить свои умения и сделать для брата амулет, отгоняющий дурные сны, и Гунн охотно согласилась, Харальд не вспомнил, что сестра и была первой причиной всего.

Наступления следующего вечера он ждал с ужасом, твердо уверенный, что та женщина снова придет за ним и поведет в свой домик-ловушку. Он отказывался ложиться в постель, если мать не будет сидеть рядом и держать его за руку. Тогда Горм положил рядом с сыном свой собственный меч – нет лучше средства от злой ворожбы и плохих снов, а еще вырезал вязаную защитную руно над лежанкой сыновей.

Благодаря рунам, отцовскому мечу и заветам Харальд спал спокойно: страшная женщина больше к нему не приходила. Но до конца он так и не оправился, и хотя в целом его речь наладилась, небольшое заикание осталось на всю жизнь.

До лета все было спокойно. Может быть, Гунн еще не раз посещала Ульфину, но Харальд больше не замечал ее отлучек. В середине лета за невестой пришел корабль, и Гунн уехала к своему жениху Эйрику.

А после ее отъезда словно пелена спала с памяти Харальда, и он разом вспомнил все: тайные прогулки сестры, свою погоню за ней по лесу, кружение старухи с факелом среди стоячих камней... И теперь он смог рассказать об этом матери. Тюра передала его слова отцу, и разгневанный Горм приказал хирдманам немедленно схватить Улфину, которая обучала неведомо чему его дочь и испортила сына.

Ради чести Гунн дело не стали предавать огласке, но ведьму поймали и утопили в море, надев на голову кожаный мешок. Жуткий сон про яму повторялся и после ее смерти, но очень редко, не каждый год.

Взрослея, Харальд все лучше понимал, какой страшной опасности подвергался и как ему повезло, что он отделался лишь небольшим заиканием. Иной раз доходили слухи, что Гунн и в Норвегии не оставила занятия колдовством и даже вроде бы обучалась у тамошних финнов, великих искусников по части чар. С годами за Гунн, матью все возрастающего семейства, установилась слава сильной колдуньи. Теперь Харальд не сомневался, что перед замужеством она тайком бегала к Ульфине ради чародейской науки, хоть это и не к лицу женщине высокого рода.

С тех детских лет в душе Харальда, сына Горма, навсегда поселилась брезгливая ненависть к ведьмам, злым чарам, коварным женщинам. Теперь это был уже не мальчик, а мужчина двадцати пяти лет, самый рослый в дружине, один из сильнейших бойцов, отважный и решительный, недоступный для детских страхов.

Но прошлое ожило в памяти, когда он совсем этого не ждал. Когда однажды он увидел Гуннхильд, дочь Олава, – рыжеволосую девушку, носившую то же имя, что и его старшая сестра-колдунья, тоже способную становиться то старой, то молодой...

Часть 1

– А я тебе еще раз говорю: надо отдать этих женщин! Это самое лучшее, что мы можем сделать!

Гуннхильд вздрогнула, сделала Бирте знак молчать и припала к щели в дощатой перегородке. Бирта, пятнадцатилетняя дочь хозяина дома, позвала ее в кладовую, чтобы показать вышивку на своем будущем свадебном платье. Дверь кладовой открывалась в «теплый покой», иначе грид; и едва девушки вошли, как в гриде появился сам хозяин, Торберн по прозвищу Сильный, а с ним и другие хёвдинги вика Хейдабьор. В другой раз Гуннхильд и не подумала бы подслушивать чужие разговоры, но сейчас замерла и насторожилась. Женщины, о которых шла – или могла идти – речь, была она сама и ее две ближайшие родственницы. Голос принадлежал Хрольфу по прозвищу Хитрый, крупнейшему в вике торговцу рабами.

– Сразу видно, что ты привык торговать женщинами! – отозвался кто-то из пришедших с хозяином мужчин. – Может, уже и цену прикинул? Опомнись, ведь речь идет о матери нашего конунга!

По голосу Гуннхильд узнала Альвбада, фриза¹. Фризы, когда-то основавшие поселение у фьорда Сле, и сейчас составляли значительную часть его жителей, и Альвбад принадлежал к одному из наиболее влиятельных родов.

– А где он теперь, этот конунг? – сердито ответил ему венд Гостислав. Похоже, Торберн созвал к себе видных людей из всех общин Хейдабьора, наверное, и от саксов кто-нибудь был. – Боги от него отвернулись! Кнут, сын Горма, гнал его по собственной земле, будто волк зайца! Он был разбит и у границы, и здесь, перед виком! Чудо, что Кнут еще не занял Хейдабьор! Что нам пользы от Олава?

– Он всегда был дураком и неудачником! – отрезал Хрейн Дупло, и Гуннхильд за перегородкой поморщилась: кому понравится слышать такое о родном отце. – Разве этот человек может править страной? Вот Сигтрюг был настоящий конунг! А этому лишь бы стоять на носу, не важно чего, и чтобы плащ развевался! Он сам виноват, что все это с ним случилось! Ни разу еще он не проехал по своей же земле, чтобы с кем-нибудь да не поссориться! Его пригласили на пир, оказали честь, так нет, он даже не может спокойно посидеть за столом и выпить во славу богов, как приличные люди!

– А это правда – насчет ковша? – хихикнул Гуннар, сын Асмунда, известный в Хейдабьоре как Горе Гуннар.

– Правда, – вздохнул Оттар Синий, неплохой человек, если не считать большой склонности к выпивке.

– Прямо так – ковшом по лицу? Сыну конунга?

– Прямо так.

– И ковш раскололся?

– Раскололся.

– Да что же у него голова – железная, что ли?

– Не знаю, но я сам видел. Может, ковш был уже старый и треснутый.

– Старый, не старый! – с раздражением перебил их Снорри Черный Скальд. – Если бы мне дали на пиру, при всех гостях, ковшом по морде, я бы не успокоился, пока бы не сжег весь дом того, кто это сделал, а его самого разорвал бы на части! А это ведь сын конунга! Неудивительно, что он стоит с дружиной возле самого вика. Странно, что он еще не ворвался сюда и не прикончил нас всех!

¹ Фризы – германоязычный народ, древние жители побережья Северного моря. (Здесь и далее прим. автора.)

– Но мы-то почему должны отвечать за его дела? – зашумели сразу все хёвдинги, наиболее богатые торговцы из постоянно проживающих в вике Хейдабьор, и хозяева ближайших усадеб. – То мы, а то конунг!

– Мы за него отвечать не можем!

– Пусть Кнут ищет его в море, если ему обидно!

– Вот я и говорю: надо отправить к нему женщин! – снова начал Хрольф Хитрый, невысокий, щуплый, шустрый мужчина лет тридцати. Обычно его подвижное лицо выражало наивное дружелюбие, но на деле это был человек расчетливый и бессердечный. Разбогател он на том, что скупал у викингов захваченных пленников и перепродавал на Восточный путь и в Грикланд. – Пока они у нас, мы как бы остаемся людьми Олава и врагами Кнютлингов. А если мы их отдадим, то Кнут будет знать, что Олав сам по себе, а мы сами по себе, и не тронет вик!

– Он и так не тронет вик: он же не дурак! – воскликнул старый Ульф. – Ни один конунг, если у него на плечах голова, а не только шлем с узорами, не станет разорять вик.

– А если дурак? – возразил Гостислав. – Кнут, сын Горма, еще совсем молод. Он еще не умеет думать о завтрашнем дне. Ему лишь бы пограбить и прославиться. А дальше хоть море высохни!

– Тем более наши конунги враждуют с Кнютлингами уже три поколения, с тех пор как Олав Старый здесь появился.

– Да вы совсем обезумели, я посмотрю! – Гуннхильд узнала мощный рык Торберна Сильного. Раздался гулкий удар кулака по столу: у хозяина иссякло терпение. – Кто здесь сказал про Олава Старого? Ты, Хрейн? Значит, память какая-то еще есть! Или вы забыли, что уже лет полтораста наш вик живет в союзе с конунгами из рода Годфреда Грозного, что положил начало Хейдабьору?

– Ну, это как поглядеть... – проворчал Альвбад.

Его соплеменники-фризы уже полтора века не были здесь хозяевами, но не забывали и другим не давали забыть, что первыми нашли это выгодное для торговли место у фьорда Сле.

– Помолчи, Альвбад! – рявкнул Торберн. – Запомните, хёвдинги вика Хейдабьор: если вы решите отдать женщин Олава Кнуту, сыну Горма, вы заслужите имя предателей! Вы сами разрушите освященный веками союз, боги отвернутся от вас, и ни в чем вам не будет удачи! Вините потом себя!

– А насчет богов, так можно попросить о помощи Христа, сына Марии! – возразил ему Горе Гуннар. – В Дорестаде и Бьёрко, не говоря уж о Стране Саксов и Стране Франков, многие торговые люди поклоняются ему, и дела у них идут хорошо.

– Благополучие нашего вика держится на Кольце Фрейи. Если есть такие смелые, чтобы от него отказаться, то я не с вами, – покачал головой Оттар Синий. – И если уж вы на это решитесь и тинг вас поддержит, то я, пока не поздно, поищу себе местечко в Бьёрко.

– Само по себе Кольцо Фрейи не станет за нас сражаться, – проскрипел Римберт Кобыла.

«Ах, значит, вот кто пришел от саксов», – отметила Гуннхильд.

– За нас всегда сражался конунг. И если уж конунга у нас больше нет, то и впрямь стоит поискать другого...

Этого Гуннхильд выдержать уже не могла. Толкнув дверь, она вылетела на середину палаты и вдруг предстала перед изумленными хёвдингами, будто разгневанная валькирия – рослая, статная, с пышной грудью, румяная девушка восемнадцати лет, окутанная облаком янтарно-рыжих волос.

– Кто это здесь сказал, что у вас нет конунга? – Уперев руки в бока, она окинула взглядом притихших мужчин. – Ты, Римберт? Ты очень сильно ошибаешься! Всякому случается изведать неудачи, но от этого мой отец не перестал быть потомком Годфреда Грозного и самого Фрейра. Правы те, кто говорит, что благословение богов было передано моему предку вместе с Кольцом Фрейи. – Она бросила Торберну признательный взгляд. – И мы докажем, что владеем

им по праву! Вы боитесь, что Кнут, сын Горма, двинет войско на Хейдабьор? И хотите откупиться, выслав к нему меня, мою бабушку и вдову моего дяди? – Она вонзила гневный взгляд в подвижное лицо Хрольфа, который сейчас ухмылялся с таким видом, что, дескать, я же пошутил. – И по-вашему, это не предательство? Так знайте: женщины из рода конунга отважнее иных мужчин! Мы сами отправимся к Кнуту, сыну Горма. И если нам удастся убедить его не трогать Хейдабьор и вернуться в свою страну, вам больше не придется сомневаться, что только мы по праву называемся конунгами Южной Ютландии!

– Вы хотите сами к нему поехать? – спросил Оттар, лысеющий, морщинистый человек с мешками под глазами, казавшийся старше из-за пристрастия к пиву и дорогому привозному вину. – В Слиасторп?

– Конечно, – надменно отозвалась Гуннхильд. – Это наш дом! Мы не побоимся туда вернуться!

– А королева Асфрид знает? Она тоже готова на это?

– Пригласите ее сюда, чтобы узнать ее мнение. Вам следовало сделать это с самого начала, а не сговариваться, как продать нас за нашей спиной!

Гуннхильд метнула еще один уничижительный взгляд на Хрольфа. Тот покаянно взъерошил темные, подстриженные по франкскому обычаю волосы у себя на затылке, но это вовсе не означало, что он на самом деле о чем-то жалел.

– Я приведу ее, и вы сами услышите наше решение, – бросила Гуннхильд и вышла, направляясь в женский покой.

Ее трясло от волнения, но она знала, что все сделала правильно. Бабушка, старая королева Асфрид, и впрямь уже заговаривала о том, чтобы самой поехать в Слиасторп. И теперь Гуннхильд убедилась: мудрая мать ее отца, как всегда, была совершенно права! Ее замысел лишь предвосхищал развитие событий. И теперь, похоже, это был единственный путь спасти их свободу, честь, а особенно – вик Хейдабьор и власть Инглингов над Южной Ютландией.

Именно королева Асфрид принадлежала к прямым потомкам Годфреда Грозного, основателя и первого покровителя вика, торгово-ремесленного поселения возле фьорда Сле, на юге полуострова Ютландия. Около полувека назад из-за моря явился Олав Старый – это прозвище обычно закрепляется за основателем рода, – происходивший из шведских Инглингов. Победив в бою сперва Одинкара-конунга, отца Асфрид, а затем и ее брата Аскара, он женил на наследнице своего сына Кнута, и с тех пор Инглинги считались наследниками Годфреда и владельцами Южной Ютландии. В прежние времена у данов и ютов имелось по десятку самостоятельных конунгов, но Кнютлинги, пришедшие из Норвегии в Северную Ютландию, постепенно, за несколько поколений, прибрали к рукам среднюю часть страны и почти все датские острова. И уж конечно, давно стремились вытеснить Инглингов из Хейдабьора. Этот вик, богатейший во всех Северных Странах, приносил немалые прибыли.

Потомки Олава Старого не собирались сдаваться без борьбы. Дед Гуннхильд, Кнут, сын Олава, и его брат Сигурд пали от руки Хёрдакнута из рода Кнютлингов. Гуннхильд выросла в ходе этой войны, несколько лет ей пришлось прожить в Баварии, у родичей матери, пока мужчины выдерживали жестокие схватки.

У деда Кнута было трое сыновей: Сильфраскалли, Сигтрюгг и Олав. Самый старший погиб еще почти подростком, второй успел жениться на знатной женщине по имени Одиндис и обзавестись тремя детьми. Олав же, младший сын Кнута, раздобыл в жены Гильду, дочь баварского герцога Арнульфа, и Гуннхильд была единственным ребенком от этого союза. В то время сам Кнут был вынужден подчиниться королю саксов и даже крестился.

Теперь от мужчин семьи оставалось в живых только двое: Олав и его племянник Рагнвальд, сын Сигтрюгга. И три женщины: старая королева Асфрид, Одиндис, вдова Сигтрюгга, и Гуннхильд. Северные Кнютлинги, их главные враги, в последние годы воевали на море, Инглингов пока больше не тревожили.

Этой зимой Олав-конунг, оставив племянника надзирать за родовой усадьбой Слиасторп и виком, отправился в ежегодную поездку по своей стране. Все шло хорошо до самого йоля. Во время йольских пиров Олава с его людьми пригласил к себе Ивар Безумный, живший на самой границе владений Гормаконунга. Олав прибыл, и тут оказалось, что Ивар пригласил также и Кнута, старшего сына Горма, который тоже совершал зимнюю поездку по стране и тоже в это время приблизился к границе!

Все бы ничего... Они могли бы мирно отпраздновать йоль и разойтись. Вспоминая об этом, Гуннхильд то смеялась, то вздыхала. Во время пира, когда все уже были пьяны, люди Олава и люди Кнута затеяли возню, кто-то кого-то хотел облить пивом, а попал на Олава. Олав, человек вообще-то не злой, вдруг решил, что это сделано нарочно с целью опорочить его честь. Как говорится, пьяный не знает, что делает, поэтому не стоило спрашивать, зачем он схватил со стола деревянный ковш с птицей на ручке и метнул в голову Кнуту, сыну Горма.

Ковш треснул, и началась общая драка. Слава асам, мечи были под замком, и в ход пошли кулаки, посуда, разная домашняя утварь. Прибежал сам хозяин, Ивар Безумный, размахивая скамьей и крича: «Всех убью за конунга!» Скамью у него отобрали, попутно пристукнув и его тоже. Гуннхильд обо всем этом рассказали Оттар Синий и Бьёрн Высокий, единственные люди из Хейдабьора, бывшие с Олавом в той злосчастной поездке. Привыкшие к тому, что с их конунгом вечно что-нибудь случается, они в это время пили пиво, любуясь дракой и обмениваясь соображениями:

– Ну, что, Бьёрн-хёвдинг, поучаствуем или еще по ковшичку?

– Конечно, еще по ковшичку, какой разговор!

Видя, что в воздухе замелькала скамейка, они решили наконец вмешаться.

Скамью отобрали, наиболее рьяных драчунов растащили. Через какое-то время все вновь собрались в гриде, кое-как приведенном в порядок, пострадавшие приложили по куску сырого мяса к своим синякам, и веселье продолжилось. Однако северяне затаили обиду.

Когда через несколько дней протрезвевшая дружина Олава тронулась восвояси, на одной из равнин на нее внезапно напали. Поначалу решив сопротивляться, позже Олав все же был вынужден отступить. Но Кнут на этом не успокоился и пустился за ним. С этого дня удача отвернулась от Олава, похоже, окончательно. Надо думать, асам не понравилось, что он затеял драку на пиру в их честь. Поездка по стране превратилась в позорное бегство.

Никто из тех, к кому Олав обращался за поддержкой, ввязываться в ссору двух конунгов не пожелал. Хотя многие потом в этом раскаялись – Кнут со своей дружиной шел вдоль Ратного пути, сухопутной дороге, пересекавшей всю Ютландию с севера на юг, и грабил усадьбы.

С врагом на хвосте, будто заяц от собак, Олав спешно вернулся к фьорду Сле и стал собирать войско. Кое-кто из хёвдингов дал ему дружину, кто-то отказался, возмущаясь, что по собственной глупости Олав ввязался в ненужную войну. На спешно созванном тинге вик Хейдабьор отказался собирать ополчение, и Олаву пришлось принять бой прямо перед собственной усадьбой Слиасторп. Хорошо еще, его мать, королева Асфрид, успела уехать в Хейдабьор и увезти внучку, вдову-невестку, челядь, скотину и самое ценное из имущества. Со всем этим они расположились в усадьбе Торберна Сильного и стали ждать исхода боя.

Ничего хорошего они не дождались. Олав потерпел поражение и бежал всего на двух кораблях, с племянником и остатками разбитой дружины. Ветер в тот день был западный, и все думали, что направился он в Швецию, чтобы там просить помощи у своего дальнего родича, Бьёрна-конунга. А может, и в вендский Рёрик, где его племянница жила замужем за князем Мистивоем. Мать, невестка и единственная дочь Олава остались в Хейдабьоре, не зная, как и все его жители, что с ними будет дальше. Кнут, сын Горма, со своей дружиной занял брошенный Слиасторп и третий день жил там, собираясь отпраздновать День Фрейи – начало

весны². В Хейдабьоре не стихали споры, пойдет ли он после этого грабить вик или повернет назад на север, к себе домой. А хёвдинги совещались, как им обезопасить себя...

– И это должно случиться с нами накануне праздника Фрейи! – причитала еще вчера тетка Одиндис. – Хоть бы она сама сошла из своих небесных палат и уговорила Кнута не ходить сюда!

– Не стоит рассчитывать на ее помощь, – вздохнула старая королева Асфрид. – Это в прежние времена боги часто являлись людям и даже участвовали в сражениях. Но теперь им служат все хуже, почитают все меньше, и все больше людей предают их и поклоняются Кристусу. Неудивительно, что боги покинули нас и предоставили нам самим заботиться о себе. Я думаю, не поехать ли мне в Слиасторп и не поговорить ли с молодым Кнутом. В праздник пробуждения богини он не обидит старую женщину, тем более что мы в родстве...

– Было бы лучше, если бы к нему пришла сама Фрейя!

– Так она и придет! – Гуннхильд, осененная неожиданной мыслью, даже вскочила со скамьи. – Фрейя каждый год приходит в этот день. Так она может прийти в Слиасторп и выскажет Кнуту, сыну Горма, свою волю!

– С чего ты взяла? – Бабушка и тетка в изумлении воззрились на нее.

– Она тебе сама сказала? – невесело усмехнулась Одиндис.

– Не так, чтобы она мне сама сказала... а может, и сама! – От воодушевления Гуннхильд раскраснелась и говорила все увереннее. – Кто-то же внушил мне эту мысль, почему же не сама Фрейя? Я пойду за нее!

– Ты сошла с ума! – ахнула тетка. – Хочешь сама отдаться в руки Кнута?

– А может, и не так плохо придумано, – вдруг поддержала внучку королева Асфрид. – Идти все равно надо: если мы не пойдем навстречу Кнуту, он сам завтра-послезавтра явится сюда. А если мы решимся, то, может, и выиграем – боги любят смелых, тех, кто без страха идет навстречу судьбе! Конечно, лучше бы мне самой с ним повидаться, но Кнут совсем молод и охотнее побеседует с юной красоткой, чем с такой старухой, как я.

– Зато нам с тобой не пришлось бы опасаться за свою честь! – возразила Одиндис. – На нас с тобой молодой парень не польстится даже после месяца в море!

– В День Фрейи он не посмеет оскорбить ту, что говорит от имени богини! Разве наша девочка недостаточно хороша, чтобы Фрейя приняла ее облик?

– Фрейю мне не приходилось видеть, но для смертных наша Хильда достаточно хороша! – хмыкнула Одиндис. – Может, вы и правы: лучше пойти навстречу опасности и погибнуть с честью, чем трусливо дожидаться, пока тебя вытащат из дома, как лису из норы за хвост.

Одно обстоятельство внушало надежду: королева Тюра – жена Горма-конунга и мать Кнута – состояла в дальнем родстве с Асфрид, и та имела право попросить Тюру о помощи и отдаться под ее покровительство, пока их мужчины разберутся между собой. При удаче они могли бы обезопасить и себя, и вик. А медлить не следовало: ведь Кнут, сын Горма, привлеченный богатством торговых людей, и впрямь мог двинуть дружину на Хейдабьор.

* * *

Рыжие волосы Гуннхильд вымыли и тщательно расчесали, так что они пушистым облаком окружали голову и укутывали рослую фигуру ниже пояса. Тетка Одиндис достала из сундука франкское платье из миклагардского шелка, которое надевала двадцать пять лет назад на свою свадьбу – темно-красное, затканное желтыми птицами и вышитое золотой нитью. Дорогие украшения Асфрид и Гильды, покойной матери Гуннхильд, украсили ее грудь, запястья и пальцы. Самой тяжелой была золотая гривна из трех узорных обручей – была она так велика

² День Фрейи (у кельтов – День Бригиты), первый день весны, отмечается 1–2 февраля.

и драгоценна, что любой легко поверил бы, что это и есть Брисингамен, священное ожерелье Фрейи, дающее ей власть над жизнью и смертью. Даже сама Гуннхильд трепетала – а может, у нее просто дрожали ноги под тяжестью плотного шелка и груды золота.

– Очень похоже! – Расправив бусы на ее груди, бабушка Асфрид отошла на пару шагов. – Унн, посвети еще! Да не тычь в нее факелом, подпалишь волосы! Да, и правда, вылитая Фрейя! – с удовлетворением добавила она, будто сама не раз встречалась с Невестой Ванов. – Всякий смертный поверит. Пусть-ка эти христиане выставят против тебя такую же красотку! Не волнуйся, все будет хорошо. И... и это тоже возьми.

Асфрид потянула внучке небольшой мешочек. Багряный шелк с золотыми нитями ярко сверкнул в свете огня.

– О, ты думаешь, можно? – Гуннхильд, зная, что там внутри, даже попятилась.

– Стоит ли отдавать в руки северян сразу и нашу девушку, и наше главное сокровище! – заволновалась Одиндис.

– Я думаю, тебе лучше его взять. – Асфрид кивнула и осторожно развернула старинный златотканый шелк. – Надень под рукав, там не будет видно. Кольцо Фрейи уберет тебя от беды!

– Но если... – начала Одиндис.

– А если пропадет моя единственная внучка, зачем нам это кольцо? – с горечью перебила ее старая королева.

Среди багряной ткани блеснуло золото, заалели самоцветы, будто пылающие угли. Это было «кольцо клятв» – древнее сокровище, на котором давались обеты, которое конунги надевали на руку, когда приносили жертвы или разбирали судебные дела. Служить для этого может браслет, перстень, гривна, просто согнутый в кольцо железный прут. Но нигде и никогда не было кольца клятв дороже и прекраснее, чем то, которым владели ютландские Инглинги, потомки Годфреда Грозного и Олава Старого. Между двумя золотыми ободками располагался сложный сквозной узор в виде ветвей, листьев и цветов, сплетенный из золотой проволоки. В чашечки цветов были вставлены красные самоцветы; когда на них падал свет, в глубине каждого загоралась искра. Люди верили, что эта вещь была изготовлена подземными жителями-свартальвами, ибо руки простых смертных подобную красоту сотворить неспособны.

Кольцо Фрейи всегда хранилось у старшей женщины в роду потомков Годфреда Грозного, благодаря чему она носила титул Госпожа Кольца³. Сейчас это была старая королева Асфрид. Гуннхильд случалось прикасаться к нему всего раз в году – когда она надевала его в обрядах Дня Фрейи, и каждый раз ее при этом пробирала дрожь благоговения. Браслет был довольно легким – и в то же время Гуннхильд ясно чувствовала, как вместе с ним на нее нисходит особая сила. Так и сейчас: вдруг стало жарко, будто в жилы влился божественный огонь. Не отрываясь, она смотрела на переплетение ветвей и листьев из золотой проволоки, и ей вдруг показалось, что сама она – дерево в листьях и цветах, растущее корнями из нижнего мира, а кроной уходящее в бесконечную высь... Наверное, таким деревом чувствует себя весной сама Фрейя, несущая жизненную силу из божественных пределов каждой земной травинке.

Когда Гуннхильд вышла из женского покоя в грид, ждавшие там хёвдинги разразились восторженными восклицаниями. Янтарно-рыжие волосы конунговой дочери золотились в свете очага, на щеках от волнения горел яркий румянец. Богатый наряд ослеплял взор блеском и игрой ярких красок: белая сорочка, собранная в частые складки, багряное с золотом платье, голубой хенгерок с золотыми наплечными застежками, красный кафтан с отделкой из шелковых шнуров, ожерелья в пять рядов – бусины из золота и серебра, из разноцветного стекла, из хрусталя и сердолика, с золотыми подвесками.

³ Госпожа Кольца – термин древнескандинавского права, обозначавший женщину, которая осталась единственной наследницей всего родового имущества. Кольцо считалось символом богатства вообще.

– Пора! – решила королева Асфрид. – Унн, поди узнай, лошадь оседлали? Пусть подадут к двери. Богута, давай плащ.

Рабыня-вендка кинулась к сундуку и притащила широкий плащ из синей фризской шерсти, подбитый щипаными бобровыми шкурками. По краям его блестела золоченая тесьма, и сама бабушка Асфрид принесла круглую застежку – размером с женскую ладонь, из чистого золота, с цветной эмалью и четырьмя гладко отшлифованными разноцветными камешками. Олав-конунг привез из набега на какой-то франкский монастырь несколько досок, служивших прежде обложками богослужебных книг. Книги данам были без надобности, а из украшений, содранных с обложек, конунгов домашний кузнец, тоже венд, изготовил несколько подвесок к ожерельям и застежек для плащей.

Служанки помогли Гуннхильд сесть на лошадь, оправили плащ и волосы. И вот она выехала со двора в холодный туман зимнего вечера. Пошел снег – крупные влажные хлопья белыми звездами усеяли ее синий плащ и рыжие волосы. Если она теперь войдет в теплый дом и снег на ней растает, она будет вся мокрая. «Ну да ничего!» – Гуннхильд усмехнулась. По пути из небесных палат Асгарда к устью реки Сле богине пришлось одолеть долгий путь, ничего удивительного, если она немного промокла. А если спросят, почему она не приехала в повозке, запряженной кошками, она ответит, что кошки отказались везти по такой грязи!

Путь Гуннхильд лежал через хорошо знакомые места – наследственные владения ее семьи. Многие поколения сменились с тех пор, как возле озера в верховьях реки Сле, впадающей в Восточное море, образовался вик Хейдабьор. Его положение было чрезвычайно удобно для торговли, позволяя купцам двигаться по судоходной реке вместо того, чтобы в морских проливах Скагтерак и Каттегат подвергать свою жизнь и товары опасностям от морских бурь и разбойников-викингов. Через волок между реками Сле и Трене из Восточного моря можно было попасть в Северное. В удобной гавани постоянно теснилось множество кораблей из всех Северных стран, от вендов или франков. Вдоль ручья тянулись улицы, где жили ремесленники – резчики по кости и рогу, плавильщики железа из добываемой в Швеции болотной руды, стеклоделы, золотых и серебряных дел мастера, гончары, ткачи. Торговые люди в основном приезжали весной, из-за чего население вика летом было в два-три раза больше, чем зимой, и достигало нескольких тысяч человек! Но и зимой здесь жили даны, венды, саксы, фризы, иной раз и франки. Торговали всем: рабами, мехами, посудой, солью, вином, тканями, украшениями. По мере распространения Христовой веры, предписывающей посты, все увеличивалась торговля соленой и сушеной рыбой.

Каждый год Гуннхильд с нетерпением ждала Дня Фрейи – первого дня весны. В домах проводилась большая уборка: мели полы, чистили углы в жилых постройках и стойлах скота, заменяли подстилки, драили котлы, проверяли кладовки, чтобы избавиться от испорченных припасов. Пекли свежий хлеб, сбивали масло, чтобы принести его в жертву богине, свежим молоком обрызгивали дверные косяки, постели, стены дома.

Уже пять лет дочь Олава представляла Фрейю в обрядах этого дня – с тех пор как ее старшая двоюродная сестра Рагнейд, дочь Сигтрюгга и Одиндис, была выдана замуж за одного из вендских князей и с тех пор звалась княгиней Громославой. Красиво одетая, Гуннхильд выходила из дома, ведя за собой наилучшую в усадьбе корову и неся в другой руке котел. В сопровождении домочадцев и многочисленных гостей она обходила ближние уголья, а женщины пели славу Невесте Ванов. В доме для нее устраивали постель из соломы, покрытую отбеленным льняным полотном, сбрызнутую молоком, и сотни людей приходили поклониться юной богине на ее соломенно-молочном ложе, поднести ей подарки и получить благословение.

Но в этот раз ей предстояло отправиться в облике Фрейи в свой собственный дом, где расположился враг. Вот и родная усадьба – трудно было представить, что хозяева здесь теперь чужие люди! Вот ворота в бревенчатой ограде, вон темнеют крыши домов. Ворота стояли не запертыми – ведь челядь находилась с хозяйками в Хейдабьоре, а хирдманы Кнута не позабо-

тились о чужом доме. Подобную беспечность на чужой враждебной земле Гуннхильд могла объяснить только волей помогающих ей богов. Соскочив с лошади, она сама привязала ее и направилась к двери хозяйского дома.

В это время дверь распахнулась и на пороге показался крупный мужчина с длинным хвостом плохо расчесанных рыжих волос и красным лицом. Почти столкнувшись с ней, полупьяный хирдман оторопел и с изумленным возгласом подался назад. Все получилось отлично: гости в доме обернулись на его голос и увидели, как здоровяк Рыжий Орм пятится, пошатываясь, будто его толкает невидимая сила, а вслед за ним входит рослая статная девушка в роскошной одежде. Тающие снежинки блестели на ее синем плаще и волосах, отчего она напоминала диковинный зимний цветок в каплях росы – не иначе, упавший из рук самой богини.

Еще кто-то крикнул, шум стал стихать, многие поднялись с мест. Гуннхильд прошла между подавшимися в стороны хирдманами. Кое-кто уже храпел на полу, но через пару тел она переступила, слегка приподняв подол одежды и даже не глядя под ноги.

С ясной улыбкой, как и полагается небожительнице, Гуннхильд окинула взглядом «теплый покой». До чего чужим показался ей родной дом! От прежнего остались только стены и резные столбы, подпиравшие кровлю, да еще камни очагов. Всю утварь, посуду, ковры, шкуры Асфрид увезла, оставив лишь старые, изрубленные и изломанные щиты на стенах: королева все мечтала выкинуть эту рухлядь, но Олав не позволял, видя в них приятное напоминание о прежних битвах и своей доблести. Теперь они исчезли, их место заняли щиты северян; чужие секиры, бродексы и копья были развешаны и прислонены к стенам. На широких спальных помостах вдоль стен грудami лежали шкуры и плащи. На столах стояла чужая походная посуда, над очагами висели чужие большие котлы, по углам были свалены мешки, свертки тканей, связки мехов.

За столами сидели десятки незнакомых людей, кто-то устроился на полу, кто-то уже спал за спинами сидящих на помостах. Однако Гуннхильд сразу угадала, кто здесь Кнут, сын Горма, хотя никогда его не видела. Кому же еще сидеть на почетном месте, которое обычно занимал ее отец?

Когда Гуннхильд его увидела, у нее екнуло сердце. Судя по разговорам о молодости Гормова сына, она ожидала увидеть парня лет пятнадцати-шестнадцати, которому нетрудно заморочить голову. Но Кнут оказался зрелым мужчиной лет двадцати шести или даже двадцати семи. Гуннхильд едва не оробела, но тут же взяла себя в руки. Зато он был весьма хорош собой: выше среднего роста, плечистый, с правильными чертами лица, с опрятно подстриженной светло-русой бородкой. Волосы его были чуть темнее и красиво вились. Даже при свете огня был заметен румянец на щеках, и весь вид Кнута источал здоровье и бодрость. Сероголубые глаза смотрели на Гуннхильд с изумлением и восхищением.

Невольно она поискала на его лице след от удара ковшом: ей все казалось, что тот дикий случай на пиру выдумали пьяные хирдманы. Потом сообразила: ведь с йольских пиров прошло почти полтора месяца, синяк сошел.

Кнут, сын Горма, смотрел на нее не менее пристально: пытался понять, живая ли эта красавица, не мерещится ли ему спьяну. Да и откуда ей взяться в брошенной усадьбе? Словно сошла с неба! Рослая, с пышной высокой грудью, румяная от скачки по свежему воздуху, девушка источала свежесть и юную жизненную силу. Наряд ее, богатый и яркий, пристал бы королеве. Под взглядами стольких незнакомцев она ничуть не смутилась; лицо ее дышало приветливостью, нежностью и притом веселой отвагой. Первый луч весеннего солнца, пробившийся сквозь зимний снегопад – вот что она напоминала.

– Кто ты, девушка? – наконец обратился к ней Кнут. – Откуда ты пришла к нам, не из небесных ли палат? Как твое имя?

Гуннхильд улыбнулась. Она знала, конечно, что ее об этом спросят, и припасла подходящий ответ.

Людам я известна:
Хлинн котлов железных,
Ива льда ладони,
Солнца вод береза.
Есть еще прозвания:
Норна ровной пряжи,
Фрейя частых гребней –
Так зовется гостья.

Она не сказала ничего особенного: всеми этими словами скальды обозначают женщин. Но все услышали имя богини Фрейи, и на лицах изумление сменилось восторженным благоговением. Все помнили, что сегодня праздник пробуждения Невесты Ванов, пили за нее и вдруг увидели перед собой ее саму!

– А кто ты такой, муж, ростом и статью превосходящий многих? – в свою очередь обратилась она к Кнуту. – Вижу я, что род твой непростой и многие люди, наверное, называют тебя своим господином.

Польщенный Кнут слегка приосанился и ущипнул бородку. Но и он, как всякий высокородный, был обучен искусству скальдов, по крайней мере, мог быстро сложить пару строф, к тому же сама гостья дала ему образец.

Людам всем я ведом, –

охотно ответил он, подтверждая ее слова.

Фрейр котлов сраженья,
Льда руки дробитель,
Солнца вод убийца.
Есть еще прозвания:
Ясень прялки Гёндуль,
Видур гребня Хильды –
Так зовется конунг.

– Вижу я, что умом ты не хуже, чем видом, – Гуннхильд снова улыбнулась. – Не кем иным ты не можешь быть, кроме как Кнутом, сыном Горма и Тюры.

– Ты права. А ты не можешь быть не кем иным, как Фрейей, Невестой Ванов.

– Ведь сегодня первый день весны. Вы призывали Фрейю и поднимали кубки в ее честь и в честь брата ее Фрейра – дивно ли, если она услышала и пришла разделить с вами радость этого дня?

– Тогда я прошу тебя сесть рядом со мной и разделить также угощение! – охотно предложил Кнут и указал ей место рядом с собой.

Изящно приподняв платье и дав ему краткий миг полюбоваться ее кожаным башмачком, Гуннхильд прошла ближе и села на скамью.

– Угощение богине! – крикнул Кнут, махнув рукой своим людям. – Что разинули рты?

– Да уж мы сомневаемся, хороша ли эта еда для такой знатной гостьи? – пожал плечами один из его людей, Холдор, уже немолодой хёвдинг. – Ведь богиня привыкла у себя в небесных палатах питаться... – Он задумался, пытаясь вообразить небесные блюда. – Молоком и медом?

– Никогда не поверю, что у такого удачливого вождя не найдется молока и меда, – засмеялась Гуннхильд.

– Да уж... вроде что-то здесь такое было, – согласился Холдор и сделал знак дренгам. – Ну, чего расселись, как на свадьбе, пошарьте там в кладовых!

Посуду из усадьбы королева Асфрид увезла, и Кнуту приходилось пользоваться собственной, взятой в поход. Поэтому перед Гуннхильд очутилась обычная деревянная миска с шербатным краем, но она поблагодарила с улыбкой, точно это было дорогое блюдо из Грикланда, расписанное яркими красками. Но ела и пила она немного, лишь чтобы выразить благосклонность нынешним хозяевам. Ведь не годится богине, будто нищей бродяжке, набрасываться на еду за чужим столом. Кнут, не сводя глаз со своей соседки, предлагал то вина, то еще чего-нибудь из угощения.

– Ну, как там дела в небесных палатах? – расспрашивал Кнут.

Видно было, что он на самом деле не знает, как отнестись к этой девушке, считать ли ее богиней, норной, валькирией? Собственным пьяным видением?

– Все ли хорошо у Отца Богов? Может быть, ты принесла нам какое-нибудь его послание? Может быть, ты скажешь, велика ли будет моя удача в этом походе?

– Не могу тебя порадовать, Кнут-конунг. Чтобы стяжать славу в военном походе и порадовать своей доблестью Отца Ратей, нужна одна малость...

– Какая? – Кнут чуть ли не подпрыгивал на скамье от нетерпения, и Гуннхильд подумала, что душой он моложе своих лет. – Уж не думаешь ли ты, будто мне чего-то не хватает? У меня отличная дружина, посмотри-ка на них!

Он взмахнул рукой, и десятки людей на длинных скамьях, с напряженным любопытством следивших за этой беседой, ответили дружным ревом. Многие в воодушевлении вскочили с мест, стали бить по столу кулаками, чашами питейными рогами и рукоятками ножей.

– Кто еще смог бы пойти с малой дружиной во вражескую страну и захватить ее? Мы изгнали за море Олав Говоруна и теперь захватим Хейдабьор, если захотим!

– Да! Захватим! – закричали некоторые, доказывая, что опасения хёвдингов вика имели основания.

Но, как отметила Гуннхильд, кричали не все.

– Почему же ты думаешь, что нам не будет удачи? – допытывался Кнут.

– Потому, Кнут-конунг, что для удачи в военном походе нужно еще кое-что... – Гуннхильд взглянула на него с лукавой улыбкой. – Для этого нужен враг, о доблестный, но недогадливый муж! А если ты явишься на место сражения, но не застанешь там врага, доблесть твоя пропадет даром, а иные, пожалуй, скажут, что противник оставил вас в дураках! И я пришла, чтобы спасти тебя от этой неудачи, ибо такой, как ты, отважный и знатный воин, заслуживает лучшей участи, чем слава победителя трусливых рабов и беспомощных женщин!

Кнут несколько оторопел: раньше ему не приходило в голову взглянуть на дело с такой стороны.

– Но мы ведь разбили и изгнали его!

– Однако Олав ушел, сохранив свободу, оружие, стяг и часть дружины. Он еще может вернуться. Но чтобы захватить его владения, вам придется воевать с женщинами. А не боитесь ли вы, что люди скажут, будто вы, воюя с женщинами, и сами стали походить на женщин?

Это были довольно опасные слова – многие восприняли бы их как обиду, – но лицо и звонкий нежный голос Гуннхильд выражали такую искреннюю заботу о чести ее собеседника, что он никак не мог на нее обидеться.

– Я хотела предостеречь вас и потому решила на этот долгий путь!

– Но... что же делать? – Кнут внимательно взглянул ей в лицо. Во всем облике этого уже зрелого и сильного мужчины тем не менее проглядывало добродушие и почти детская способность радоваться, и Гуннхильд поняла, почему он получил прозвище Радостный. – Никто ведь не знает, когда Олав теперь вернется, а сидеть здесь до лета я не хочу. Мой отец уже давно ждет меня дома... Ты можешь подсказать достойный выход?

– Нетрудно это сделать. Ведь, как мне известно, твоя мать, королева Тюра, состоит в родстве, хоть и дальнем, с королевой Асфрид, вдовой Кнута шведского, сына Олава Старого?

– Да, это так. Обе они ведут род от Сигфреда-конунга.

– А через него род их восходит к самому Годфреду Грозному, а родством с ним должен гордиться любой конунг! И его потомкам не годится ронять свою честь. Так не лучше ли тебе, раз уж мужчины пытались тебя перехитрить и улили от боя, предоставить решить это дело женщинам?

– Женщинам? – Кнут в изумлении поднял брови.

– Я прикажу королеве Асфрид поехать к твоей матери и просить ее о перемирии. Прислушаешься ли ты, а также твой отец, к словам королевы Тюры, знатной женщины, прославленной добротой и мудростью, если она посоветует вам дождаться возвращения Олава и лишь потом выйти на бой с мужчинами, как подобает мужчинам? Иначе никто, даже сам Один, не сможет предотвратить бесчестье. А за бесчестьем и беда тут как тут – ни в чем вам потом не будет удачи.

– В этих словах есть немало смысла, – заметил сидевший рядом немолодой, рослый и сильный человек, темноволосый, с седеющей бородой и серебряными висками. Он был из тех, кто считал, что Кнуту сейчас следует как можно скорее вернуться домой.

– Это Регнер-ярл, – пояснил Кнут. – Очень умный человек.

– Ты ведь будешь учтив с королевой Асфрид и проводишь ее к твоей матери, если она придет к тебе?

– Так, как если бы она была моей собственной матерью!

– Тогда боги и богини всегда будут к тебе благосклонны и удача тебя не покинет. Ну а теперь мне пора! – с сожалением добавила Гуннхильд и поднялась. – Я была бы рада продолжать нашу беседу, но время истекло. Отворяются ворота рассвета!

Она прошла к дверям; опомнившись, Кнут устремился за ней и сам помог сесть на коня, с недоумением трогая его влажную шкуру и будто сомневаясь, что это животное способно скакать по воздушным тропам между морем и небом.

– Желаю тебе удачи, Кнут-конунг! – Гуннхильд помахала рукой на прощание. – Я знаю, ты достоин моей благосклонности!

Она послала коня вперед и выехала за ворота. Многие устремились за ней, но прекрасная всадница быстро исчезла в темноте. Стук копыт, постепенно отдаляясь, замер, но казалось, он еще доносится еле слышно откуда-то сверху. Хирдманы задирали головы, обшаривая взглядом небесный свод, надеясь хоть мельком увидеть среди звезд силуэт девы верхом на коне.

* * *

Назавтра той же дорогой двинулась старая королева Асфрид. Сопровождали ее служанки и двое хёвдингов из Хейдабьора, Торберн Сильный и фриз Альвбад. Кнут принял гостей хорошо. Северяне старались держаться уверенно, как победители, всем видом давая понять, что именно южане должны пытаться склонить их к миру.

Кнут предложил старой королеве и ее спутникам признать власть Кнютлингов над Южной Ютландией и Хейдабьором, раз уж их прежний конунг сбежал.

– Это не в нашей власти, – твердо ответил Торберн Сильный. – Годфред Грозный победил конунга фризов, который раньше владел этими краями, а потом привез купцов, которых захватил в вендском Рёрике и поселил здесь. Годфред-конунг предложил купцам самое выгодное место, где встречаются все пути по морю и по суше, и выстроил Датский вал, чтобы защитить нас от саксов, прикрывал вик от нападений с моря. Между ним и торговыми людьми был заключен договор о том, что никто не изменит другому: конунг не нарушит условий и не будет требовать чересчур много, а мы не станем искать другого покровителя. Фрейр и Фрейя были

призваны в свидетели клятвы, и в знак своей благосклонности Фрейя дала Годфреду кольцо, которое с тех пор служит кольцом клятв...

– Неправда! – возмутился Альвбад. – Этим кольцом владел наш конунг Фольквальд, и оно звалось кольцом Фроувы, а Годфред...

– Да знаем мы ваши старые песни! Не об этом сейчас речь. В этом кольце и его законных владельцев заключена удача нашего вика. Если мы нарушим старинный договор, боги отвернутся от нас, и ни в каких делах на море и на суше не будет нам удачи. Потомки Годфреда – наши единственные законные конунги, и пока их род жив, мы не примем другого.

Часть дружины Кнута – в основном молодые и горячие – стояли за то, чтобы захватить вик силой, пограбить и уйти. Но почти все знатные люди и старшие хирдманы были против: разорение Хейдабьора нарушило бы всю торговлю северных морей, а это принесло бы множество убытков и поссорило Горма со всеми соседями.

– Мы предлагаем вам, королева Асфрид и хёвдинги, следующие условия, – сказал в конце концов Регнер-ярл. – Кнут-конунг уводит дружину, не причиняя вреда никому в Южной Ютландии. Но чтобы мы были уверены, что нам не нанесут удара в спину и позволят благополучно пройти по стране, мы хотим получить заложников. Пусть это будут мать и дочь Олава-конунга. Им не будет грозить ничего дурного, ибо они родственницы королевы Тюры; когда же Олав-конунг пожелает получить их назад, он знает, где нас найти.

Асфрид взглянула на своих спутников: хёвдинги выглядели довольными. Эти условия обещали безопасность Хейдабьору, но в то же время не порочили его чести. Женщин из семьи их конунга, в том числе Госпожу Кольца, не брали в плен, а всего лишь приглашали погостить, пока мужчины уладят свои дела.

– Буду рада повидать свою родственницу Тюру, – величаво произнесла Асфрид.

Как женщина королевского рода, она разделяла ответственность за судьбу его владений. Не в силах выйти на поле сражения, она тоже умела, когда надо, проявить мужество.

* * *

Итак, Одиндис, не состоявшая в родстве с королевой Тюрой, оставалась присматривать за усадьбой Слиасторп со всем имуществом, а Асфрид и Гуннхильд ехали с Кнутом и его дружиной. На сборы им оставалась всего пара дней.

– Нужно выбрать подарки, – сказала Асфрид, вернувшись в дом Торберна и велев внучке готовиться к поездке в Среднюю Ютланию.

– Для Тюры?

– Да, и для ее невестки.

– Невестки? – Гуннхильд подняла глаза от сундука и нахмурилась.

Она ничего не слышала о том, чтобы Кнут Радостный был женат, и эта мысль так неприятно кольнула ее, что она сама удивилась.

– Да, жены Харальда, его младшего сына.

– А! – Гуннхильд вспомнила, что у Горма и Тюры двое сыновей. – А он, оказывается, женат?

– Не совсем, но все же! – Асфрид усмехнулась. – С ним живет дочь Хальвдана, бывшего конунга Съялланда. Когда Горм разбил его, от всей семьи осталась она одна, и ее забрали с собой. Харальд был с ним в этом походе, и ее отдали ему в жены. Но раз уж за нее не платили выкупа, да и в дом она попала как пленница, то ее стоит называть скорее наложницей. Однако другой жены у Харальда нет, и если мы не хотим нажить себе врага в их доме, то следует и ей подарить что-нибудь. Вот это хотя бы! – Она встряхнула шелковое головное покрывало, когда-то белое, а теперь пожелтевшее от времени, но еще вполне пригодное. – Такие женщины особенно чувствительны к неуважению.

Гуннхильд вздохнула. С одной стороны, жаль было раздаривать наложницам врагов остатки своих сокровищ – долгая война опустошила сундуки. А с другой – в судьбе Хлоды, дочери Хальвдана, она увидела отражение своей собственной судьбы – такой, какой она могла бы быть. Ведь не придумай они эту поездку в Слиасторп, возможно, сегодня сама Гуннхильд уже была бы пленницей, а потом и наложницей Кнута, или Харальда, или самого Горма...

И только норны знают, не грозит ли ей подобная участь в будущем. Ведь чего они достигли на сегодняшний день? Только обещания отвезти их с бабушкой к королеве Тюре, но именно поэтому новое столкновение между Гормом и Олавом неизбежно!

– Не очень-то мне хочется водить дружбу с наложницей... – пробормотала Гуннхильд. – Неудача заразна...

– Она теперь из семьи Горма, и ссориться с ней не стоит. Ведь как знать...

– Что? – Гуннхильд посмотрела на бабуку.

– Как знать, сколько времени нам придется провести в том доме...

Ранним утром, как и было условлено, к воротам усадьбы Слиасторп подкатила повозка, где сидела старая королева Асфрид в окружении мешков и сундуков. Две служанки шли следом, двое рабов-мужчин вели в поводу еще двух лошадей. Как и в прошлый раз, Кнут, сын Горма, вышел встретить ее и помочь выйти из повозки.

– Мои люди уже готовы, – сказал он, подавляя зевок: час был ранний. – Отдохни немного, и тронемся. Хорошо, что у вас есть лошади.

– Нужно чуть подождать, – заметила Асфрид. – Моя внучка едет следом.

– Твоя внучка уже взрослая?

– О да! Это единственная дочь моего младшего сына Олава и единственная ныне девушка в нашем роду. Да вон она.

Королева Асфрид указала на дорогу позади себя. Кнут обернулся.

Хмурое зимнее солнце, проглянув меж туч, осветило каменистую дорогу, покрытую островками полурастаявшего снега. Светло-серый, почти белый конь сам казался сделанным из этого снега – или облаком, спустившимся к земле. Хвост и грива развевались, будто метель, и всадница в синем плаще и с выющимися по ветру длинными рыжими волосами была подобна валькирии, мчащейся на битву. При свете дня она казалась еще лучше, чем в дрожащих отблесках пламени, и Кнут застыл, не в силах отвести глаз. Он снова видел свою богиню Фрейю и теперь уже знал, кто она; но и открытие, что эта девушка – обычная смертная, ничуть его не разочаровало.

У ворот она остановилась. Рабы подбежали, чтобы помочь ей сойти с седла. Кнут было двинулся, но остался на месте. Спешившись, Гуннхильд подошла к бабушке.

– Кто этот человек, ростом и всем видом так похожий на конунга? – весело обратилась она к Асфрид. – Должна ли я приветствовать его как Кнута, сына Горма, или как Харальда, сына Горма? Ведь не может быть, чтобы он был простого рода!

– Да ты же меня знаешь! – Кнут наконец пришел в себя и улыбнулся. – Неужели у женщин и впрямь такая короткая память, как говорят, и ты всего за три дня успела меня забыть?

– За три дня? – Гуннхильд вытаращила глаза в выразительном недоумении. – Я никогда тебя не видела. Может, ты сам скажешь, как мне тебя называть?

– Я уже отвечал тебе на этот вопрос.

Гуннхильд обернулась к Асфрид с выражением недоумения и легкой обиды.

– Он смеется надо мной! Кто этот человек и почему он думает, будто я его знаю?

– Это Кнут, сын Горма, сын королевы Тюры, нашей с тобой родственницы через моего деда Сигфреда-конунга, – обстоятельно пояснила Асфрид с самым достойным и невозмутимым видом. – А почему он думает, будто ты должна его знать – наверное, он так прославлен в Ютландии, что лишь невежды не поймут с первого взгляда, кто перед ними. Надеюсь, он простит девушку, которая не по своей вине осталась в неведении.

– Но ты же приезжала сюда! – воскликнул Кнут. – Приезжала ночью, на пир в честь Дня Фрейи!

– Я? – Гуннхильд вытаращила глаза. – Я приезжала? Что ты такое говоришь, Кнут-конунг? Как я могла сюда приехать в День Фрейи? Как я могла бы сама отдаться в руки враждующего с нами рода, пока не заключено даже перемирия? Я надеялась, что моей бабушке, мудрой королеве Асфрид, удастся склонить тебя к миру, но как это могла бы сделать я, молодая девушка?

– Но мне ведь это не приснилось! Ты была здесь! – Кнут оглянулся на своих людей, и те дружно закивали. – Ты приехала – правда, конь был другой, вороной, – и мы все подумали, что к нам на пир явилась сама Фрейя! Любой бы подумал... – добавил он, еще раз оглядев Гуннхильд.

Было ясно, что он хочет сказать: такую красивую девушку всякий примет за богиню.

Сейчас она казалась даже более красивой, поскольку при свете дня яснее была видна нежность белой кожи, прелесть каждой черты, яркий румянец, золотистые веснушки на чуть вздернутом носике, серо-голубые глаза, будто весеннее небо. От влажного воздуха ее волосы распушились и окружали голову и фигуру девушки, будто пламя.

– О боги... – прошептала Гуннхильд с потрясенным видом. – О Фрейя...

Изумленными глазами взглянув на Кнута, она перевела взгляд на Асфрид.

– Я поняла, в чем дело! – Королева Асфрид кивнула. – Боги благосклонны к тебе, Кнут-конунг. В свой праздник Фрейя и правда спустилась с небес, желая повидаться с тобой, но, чтобы не ослепить смертных истинным видом своей красоты, она приняла облик моей внучки. И мы от всего нашего рода горячо благодарим богиню за эту честь! – Асфрид подняла ладони к небу, потом поклонилась. – Да славится вечно Невеста Ванов! А мы ежегодно будем приносить Всаднице Кошек особые жертвы в этот день в благодарность за ее великую милость и завещаем делать это всем потомкам!

Гуннхильд, будто от волнения, спрятала лицо на плече у бабушки. А Кнут, глядя на нее, все шире расплывался в улыбке. Всякому лестно, если для свидания с ним сама богиня спустится из небесных палат! И вдвойне приятно, если она для этого изберет облик такой красивой девушки.

Но не меньше радовало и то, что сама девушка не уехала в Асгард, а осталась на земле.

– Я рад, что Фрейя удостоила меня вниманием, и тоже буду приносить ей особые жертвы в этот день! – сказал Кнут. – Но не менее я рад и тому, что ты, госпожа Гуннхильд, живешь здесь, и благодаря богине я даже сумел повидать тебя раньше, чем ты меня. С удовольствием буду сопровождать тебя и твою бабушку к моему отцу и матери. Следует думать, богиня вмешалась, чтобы помочь нашим родам преодолеть вражду.

– Ну а если боги этого желают, они укажут и средство, – согласно кивнула Асфрид.

Гуннхильд наконец подняла лицо, повеселевшими глазами взглянула на Кнута и улыбнулась.

* * *

Обратный путь пролегал по местам, где дружина Кнута не так давно уже проходила. На сей раз северяне держались мирно, однако жители прятались, и не раз приходилось ночевать в пустых, брошенных хозяевами усадьбах. Спали прямо на полу, подстелив солому и укрывшись плащами; королеве Асфрид и ее внучке всегда доставалось место на лежанке, в тепле очага. На них смотрели с большим любопытством, не зная, считать ли женщин Инглингов пленницами. По стране расползались смутные слухи о встрече молодого конунга с самой Фрейей; в тот час его люди были слишком пьяны, чтобы толком понять, что к чему, поэтому повествование украшалось множеством удивительных подробностей. Уже рассказывали, будто Кнут был пленен

красотой Олаовой дочери и посватался к ней, а потому и отказался дальше воевать с властителем Южной Ютландии. Почтительное и любезное обращение Кнута с бабушкой и внучкой вполне эти слухи подтверждало.

Он и впрямь был явно увлечен Гуннхильд. Ей тоже нравилось его общество, и она уже не сомневалась, что сама Фрейя внушила ей мысль познакомиться с ним. Кнут был хороший человек: прямой, открытый, великодушный, дружелюбный, он ни в ком не хотел видеть врага и всегда готов был пойти на примирение. К тому же он был всегда весел, почти непрерывно что-то пел, рассказывал забавные истории, охотно принимал участие в вечерних играх и забавах – правда, недолгих, поскольку за время дневного перехода люди уставали. С каждым днем он все больше нравился Гуннхильд. Почему отец раньше не подумал, как можно уладить отношения с Гормом, когда у одного есть взрослая дочь, а у другого – двое взрослых сыновей? Путем брака между ними можно смягчить вражду. Горма не будут так уж задевать богатые доходы хозяев Хейдабьора, если со временем все это достанется его собственным внукам.

Но Гуннхильд хорошо понимала: имея двоих сыновей, Горм наверняка желает видеть одного из них конунгом в Слиасторпе. Ему понравится мысль женить сына на дочери бывшего владельца этих земель. Но что сделает ее отец? Олав-конунг был храбр, но не слишком разумен. Оттого Асфрид горевала вдвое сильнее, когда ставила поминальный камень по своему среднему сыну Сигтрюгу: потеряв самого толкового из сыновей, она понимала, что теперь судьба рода и страны в руках Олава. Сигтрюг и погиб оттого, что братья не вовремя рассорились, и от досады Асфрид даже не упомянула о младшем сыне в надписи на рунном камне.

Все зависело от настроения Горма-конунга. Встретиться с ним Асфрид и Гуннхильд предстояло уже завтра – до усадьбы Эбергторд, где жил Горм, оставалось меньше дневного перехода. Род Кнютлингов пришел с севера Ютландии, но, захватив власть над срединной частью полуострова, обосновался возле святилища, где даны приносили жертвы уже не первый век. Вблизи древнейших погребений еще тех вождей, что приходились сыновьями богине Гевьюн и бились бронзовыми клинками.

– А почему усадьба так называется? – спросила Гуннхильд по дороге.

Моросил дождь, и они с бабушкой, сидя в повозке, прятались под кожаными плащами. Кнут ехал рядом верхом.

– Такое название дал ей мой дед Хёрдакнут, – охотно начал рассказывать он. – Тогда усадьба едва была построена. Однажды ночью он вышел по нужде и увидел, что огромный кабан жрет пойло, приготовленное в колоде для домашних свиней. Он быстро вернулся в дом, разбудил своего человека Стейна и сказал: «Подай мне мое охотничье копье». Стейн сказал: «Но сейчас слишком темно, чтобы идти в лес». А Хёрдакнут ответил: «Мне не придется идти далеко». Тогда Стейн подал ему копье, он вышел и убил того кабана. И сказал, что отныне его усадьба будет называться Кабаний Двор.

Гуннхильд улыбнулась: скорее всего, ей довелось услышать семейное предание. Чтобы убить кабана одним ударом, в одиночку, ночью... Впрочем, в прежние времена люди были куда удалее нынешних, это вам всякий старик подтвердит!

– Но этому есть и другое объяснение, – вступил в разговор Регнер-ярл, видя, что она старается подавить улыбку.

– Дело в том, что неподалеку от усадьбы есть старинный священный камень. Он посвящен Фрейе и имеет вид свиньи или кабана. Именно там наши конунги приносят жертвы, хотя во все остальное время, кроме двух главных годовых праздников, мужчинам не советуют приближаться к нему. Фрейя благосклонна только к женщинам и только от них принимает на этом месте мольбы и жертвы.

– А можно нам пойти к нему? Бабушка! – Гуннхильд оглянулась на Асфрид. – Думаю, нам с тобой было бы очень хорошо принести жертвы Фрейе.

– Едва ли отец станет возражать, – кивнул Кнут. – Уже завтра мы будем в Эбергорде, и тогда я провожу вас к Серой Свинье – он так называется.

– А нельзя ли нам попасть сначала к Серой Свинье, а потом уже в усадьбу? – попросила Гуннхильд, и Асфрид одобрительно кивнула.

– Не лучше ли вам сперва отдохнуть после долгой дороги? – предложил Регнер.

– Мы ведь не знаем, насколько Горм-конунг будет милостив к женщинам Инглингов, – заметила с грустью королева Асфрид. – А Фрейя добра к нам, мы ведь совсем недавно получили тому подтверждение. Будет лучше, если мы сначала попросим ее о покровительстве, а потом уж явимся к Горму. Пусть Фрейя внушит ему доброе отношение к двум одиноким женщинам прежде, чем мы покажемся ему на глаза.

– Мой отец не обидит женщин! – заверил Кнут. – Тем более что вы сами отдались под мое покровительство и пришли к нему как свободные гости и наши родственницы.

В его голубых глазах, устремленных на Гуннхильд, отражались преданность и готовность защитить ее. Это, конечно, было хорошо, но решать будет все-таки не он, а его отец.

– Но почему бы им не попросить богиню, если от этого будет спокойнее? – заметил Регнер. – Мы ведь поедем почти мимо, это не задержит нас надолго.

На том и порешили. Миновало еще несколько дней, и вот Регнер-ярл показал тропинку, отходившую от Ратного пути: она вела к Серой Свинье. Но повозку пришлось оставить: петляющая меж холмов и перелесков тропа была для нее слишком узкой и каменистой.

Кнут и Регнер пошли проводить женщин. Они прихватили хлеб и сыр из дорожных припасов для подношения богине; жаль, молока и меда пока было взять негде, но это можно будет восполнить в будущем.

День выдался довольно ясный, снег не шел, а прежний растаял, так что идти приходилось осторожно, чтобы кожаные подошвы башмаков не скользили по мокрым камням. Кнут поддерживал Гуннхильд, Регнер взял на себя заботу о королеве Асфрид. Кто-то из его людей вырубил ей для надежности посох, хотя обычно королева, еще бодрая для своего возраста, обходилась без подпорок.

Священное место уже давало о себе знать: на низких сучьях деревьев, на больших камнях вдоль тропы виднелись черепа коз, овец, свиней, оставшиеся от прежних жертвоприношений. Их было довольно много, а ведь животных в жертву приносят не чаще двух раз в год. На кустах здесь и там болтались на ветру ленты, куски полотна, небольшие мотки пряжи – обычные жертвы богиням-покровительницам.

– Наши женщины обходят Серую Свинью по три раза, каждый раз оставляя что-то возле нее, – рассказывал по дороге Кнут. – Это очень почитаемое место: там вокруг несколько курганов, в том числе могила нашего деда Хёрдакнута.

– А его отца?

– Его отец, Свейн, сын Харальда, погребен у себя на родине, в Рогаланде. Дед Хёрдакнут был первым из нашего рода, кто раздобыл себе владения в Средней Ютландии. Вон она! – Кнут остановился и показал вперед. – Видите за деревьями большой серый камень? Это и есть Серая Свинья. Дальше мы с вами не пойдем и будем ждать у дороги. Сейчас не та пора, чтобы Фрейя захотела видеть мужчин возле своего священного камня.

– Хорошо, мы не заблудимся и сами, – поблагодарила Асфрид.

Дальше они двинулись вдвоем.

Валун под названием Серая Свинья очертаниями и впрямь напоминал свинью, только размером с бедняцкую хижину. К камню вела широкая тропа, хорошо заметная даже на каменистом грунте, а шагов за десять до него заканчивалась у границы, выложенной небольшими белыми камнями. В круг священной земли имел право войти лишь приносящий жертвы. В дни больших годовых празднеств к самому камню приближался только конунг-жрец с женщинами своей семьи, а все прочие останавливались у белых камней. Сейчас еще под валуном виднелись

свиные кости и череп, оставшийся после недавнего йоля; когда они окончательно очистятся и побелеют, череп присоединят к остальным на дороге, а его место займет голова новой жертвы.

А может, под самым камнем лежит и несколько человеческих черепов, подумала Гуннхильд. Головы древних конунгов, в неурожайный год принесенных в жертву богам плодородия, для предотвращения голода. На ее памяти ничего такого уже не происходило, но старинные саги помнили этот обычай. Эту участь разделил и кое-кто из ее далеких предков Инглингов.

У черты белых камней Гуннхильд и Асфрид остановились и помолчали, собираясь с мыслями. Потом Асфрид вошла в священное пространство и медленно двинулась вокруг камня, нараспев вознося мольбу к Фрейе:

– О светлая Невеста Ванов, сестра Фрейра! К тебе взываем мы в часы печали!

Гуннхильд тоже вошла в круг и встала так близко к камню, как было можно, чтобы только не мешать бабушке идти. Закрыв глаза, она прислушивалась к дыханию камня. За сотни лет он впитал столько людских чувств, печалей и радостей, опасений и надежд, что сам стал живым. От него исходила такая ощутимая сила, что пробирала дрожь, но Гуннхильд не боялась. Ведь она происходила из рода Инглингов, а значит, от самого Фрейра.

Закрыв глаза, она мысленно перечисляла всех своих предков, начиная от самого Ингви Фрейра, как всегда делают, когда впервые знакомятся с дальними родичами, нащупывая в глубинной тьме времен свой общий корень: Фьельнир, Свейгдир, Ванланди, Висбур, Домальди, Домар, Дюгтви, Даг, Агни... Десятки имен, и сколько разных судеб: кто-то из этих конунгов был прославлен доблестью, захватывал новые земли и оставлял сыновьям богатое наследство, кто-то был робок и все время сидел дома, а кому-то боги не дали удачи, послав позорную смерть от рук раба или родича. Но все они в равной степени были звеньями цепи, протянутой от богов, из небесных палат Асгарда, к ней, Гуннхильд, дочери Олава и Гильды. На эту мокрую поляну среди влажного мха, блестящих валунов и островков мокрого снега в ложбинах...

* * *

Харальд, сын Горма, часто приходил на курган своего деда Хёрдакнута, когда ему было о чем подумать. В летнюю жару он укрывался в тени поминального камня, на котором была выбита надпись: «Горм поставил камень по отцу своему Хёрдакнуту. Он покорил Ютландию. Вилфрид вырезал руны». Даже зимой Харальду было хорошо здесь, где близость богов и предков ощущалась, как ни в каком другом месте. С вершины кургана все ежедневные заботы и огорчения казались мелкими и несущественными; словно сам Один, он взирал на них с высоты и понимал, чего они стоят на самом деле.

Сейчас все мысли Харальда вращались вокруг старшего брата, Кнута. Тот отправился в зимнюю поездку по стране, и ему давно вышло время вернуться. Его долгое отсутствие весьма тревожило мать, да и отец беспокоился, хоть и не подавал виду. Мало ли что случилось? У южных границ он мог встретиться с Инглингами... А что, если они решились устроить набег? Все знали, что ютландские Инглинги уже не первое поколение заигрывают с королями саксов: то принимают христианство, то отказываются от него. В нынешнем тяжелом положении Олав мог снова попросить помощи у Отты-кейсара и напасть на Среднюю Ютландию. Подстеречь войско во время зимнего объезда, разбить, ослабить врага, лишить Горма одного из сыновей, захватить земли и принудить местных жителей дать клятву верности – это был бы не такой уж плохой ход.

Горм уже предлагал пригласить «малую вёльву», как называют прорицательниц: построить для нее помост, созвать женщин, чтобы пели вардлок – песнь-заклинание, призывающую духов, которых вёльва спросит о настоящем и будущем. Но Харальд терпеть не мог всякого колдовства, а заодно и гадания. Любое соприкосновение с миром невидимых сил казалось ему опасным, отвратительным – и все знали почему. Горм не стал настаивать, но неизвестность

тревожила и Харальда. Поэтому он сидел здесь, как древний герой на кургане, будто надеялся, что какая-нибудь валькирия явится к нему с вестью о брате. Желательно доброй.

Размышляя, Харальд не сводил глаз с Серой Свиньи – священный камень с вершины кургана был хорошо виден, хотя до него было около полусотни шагов. Вдруг возле камня возникло движение – из-за него показалась женская фигура. Ярко-синий плащ бросился в глаза – не у каждой есть такая дорогая, прямо-таки роскошная вещь, да еще с шелковой отделкой. В округе подобный синий плащ имелся только у королевы Тюры, но это уж точно не она!

Харальд вгляделся. Эту женщину он не знал: явно уже немолодая, с белым покрывалом на голове, она держалась величественно, хоть и опиралась на посох. Вот она обошла камень и скрылась с другой стороны. Зная, что его положено обходить трижды, Харальд ждал, что она появится снова.

И она действительно появилась – ровно через то время, которое требовалось, чтобы обойти большой камень. Но, увидев ее, Харальд привстал от удивления. Это была та же самая женщина – тот же рост, тот же синий плащ. Но только теперь она помолодела в три раза – он ясно видел совсем юное свежее лицо, и посоха у нее в руках не было.

Харальд не верил своим глазам. Незнакомым женщинам, одетым в такие богатые синие плащи на каком-то темном меху – бобр или куница, – просто неоткуда было тут взяться. Если бы кто-то приехал, то он, сын конунга, об этом бы знал. Но у нее что – два облика одновременно?

Незнакомка в синем плаще скрылась за Серой Свиньей и через то же время появилась снова – опять в облике старухи! Прижавшись к поминальному камню деда, Харальд всматривался, стараясь запомнить каждую черту странной женщины. У него было острое зрение, и он разглядел даже башмаки, даже подол красного кафтана, видный из-под плаща. Вот старуха исчезла, ей на смену появилась девушка – точно такая же, в таком же красном кафтане!

Харальд зажмурился, потряс головой, ущипнул себя – нет, это не сон! Рост, фигура, одежда – все говорило о том, что это одна и та же женщина. Но ей то шестьдесят лет, то не более двадцати! Как это может быть? Это ведьма! Ведьма, которая явилась к священному камню творить какую-то волшебную – уж наверное, недобрую! Ибо мудрые и сведущие женщины, не желающие людям зла, не меняют облик. Чего доброго, в третий раз женщина в синем плаще выйдет из-за камня, неся на плечах голову волчицы!

Не дожидаясь этого, Харальд метнулся за дедов поминальный камень и бросился вниз по тропинке на заднем склоне кургана. Поскользнулся на мокрой земле, упал, проехал немного вниз, запачкав бок, но не обратил внимания, а ловко вскочил на ноги уже у подножия кургана и бросился в заросли. Неслышно отклоняя ветки кустов, он, словно олень, промчался через рожицу, разделявшую курган и Серую Свинью, и прильнул к земле за последними кустами.

Успел как раз к тому времени, как ведьма заканчивала третий по счету обход священного камня – в облике молодой девушки. Теперь их разделяло всего шагов двадцать, и Харальд совершенно ясно видел красоту лет восемнадцати – с гладким румяным лицом, с прядями рыжих волос, красиво выходящих от влажного воздуха. Тот же синий плащ, что был на ней же, но в облике старухи. Глаза ее были полузакрыты, губы шевелились, и Харальд торопливо сделал знак молота, чтобы защититься от вредоносной ворожбы.

Вот ведьма исчезла за камнем. Харальд выждал еще немного, чтобы не привлечь ее внимания. Он умел двигаться бесшумно и растворяться среди камней и зарослей, но ведь этой женщине помогают чары! Встав на ноги, он осторожно двинулся следом. Шел он вдоль тропы, не выступая на открытое пространство; тропа тянулась через рошу, то поднимаясь на пригорки, то обходя камни, то вновь поднимаясь, петляла, и в обе стороны ее было видно шагов на десять, не более. Невысокие ели, густые и зеленые летом и зимой, еще сильнее загораживали вид. Ветер шумел, и Харальд прислушивался изо всех сил, пытаясь различить впереди шаги.

Он уже подумывал срезать путь, чтобы перехватить ведьму на тропе впереди, как вдруг с той стороны послышался шум. Харальд остановился, прижался к дереву и замер; донесся стук упавшего камня, шорох одежды, трущейся о ветки. Меча при нем не было, но он на всякий случай извлек из ножен скрамасакс – длинный боевой нож. Любая нечисть боится острой стали.

Шум впереди стих. Боясь упустить ведьму, он сделал шаг вперед – и вдруг увидел ее гораздо ближе, чем ожидал. В своем молодом облике, она выскочила из-за кустов на пригорке, всего шагах в пяти от Харальда, но выше по склону – и с криком, раскинув руки, бросилась на него, пытаясь схватить! Завидев блеск стали в его руке, ведьма взвизгнула, хотела уклониться, упала и покатила вниз по каменистому склону, но Харальд бросился за ней, в прыжке настиг и мигом завернул ей на голову полу ее плаща. Всякий ведь знает, что для обезвреживания ведьмы первым делом надо лишить ее возможности видеть и говорить – для этого обычно надевают на голову кожаный мешок. Мешка у него не было, и он, придавив трепыхавшуюся ведьму к земле, закутал ее в плащ, прижал коленом, не давая двинуться, и ловко обмотал ее своим поясом, притиснув руки к бокам. Ведьма что-то вопила из-под плаща, но, к счастью, сквозь шерсть на подкладке не доносилось ни одного ясного слова и все ее заклятья были бессильны. Тем не менее Харальд на всякий случай ударил ее по затылку, чтобы оглушить. Ведьма затихла, крики прекратились, она больше не шевелилась.

Стараясь отдышаться, Харальд прикинул, что теперь делать. Экая наглость – творить волшебство возле священного камня, а потом напасть на сына конунга! Она заслуживает того, чтобы ее немедленно утопить в море. Но тогда вместе с ней придется утопить и пояс с серебряной пряжкой и хвостовиком. Но если развязать, она, пожалуй, выплывет, а пояса Харальду было жаль. Да и не годится ему самому судить кого бы то ни было, когда конунг находится дома.

Вздохнув – навязалась, тварь поганая, на голову, будто других забот нет! – Харальд поднял неподвижную пленницу, перекинул через плечо и пошел к усадьбе Эбергорд. Пусть конунг сам ее судит.

* * *

Гуннхильд пришла в себя от того, что на нее обрушился поток холодной воды. Еще бессознательно она принялась отфыркиваться, мотать головой, кашлять. В затемненном сознании мелькнула мысль – она тонет! Гуннхильд забилась, не понимая, почему так трудно шевелиться, почему она не может поднять руки. Но осознала только, что лежит на чем-то твердом и холодном. По крайней мере, она не в воде. Однако, открыв глаза, она почти ничего не увидела сквозь мокрые волосы, совершенно залепившие лицо. Она попыталась вытереть лицо о плечо, захлопала ресницами... Перед глазами появились чьи-то ноги – большие мужские башмаки, со сбитой на сторону пяткой, мокрые снизу. Выше были грязные обмотки и штанины из серого сукна. Рядом стояло деревянное ведро – видимо, из него ее и окатили. Вокруг было светло – значит, она где-то под открытым небом. Ну, разумеется: вокруг было холодно, и наполовину мокрая Гуннхильд уже начала дрожать.

Когда она подняла голову, рядом кто-то взвизгнул, и почти одновременно мужской голос крикнул:

– Нет, Стюр, погоди! Так мы ничего не узнаем!

В это время взгляд Гуннхильд дошел до дубины, которую держал обладатель мокрых башмаков и серых штанов, недвусмысленно собираясь обрушить сие оружие ей на голову. Невольно втянув голову в плечи, Гуннхильд попыталась прикрыться руками и обнаружила, что руки ее крепко связаны спереди. Голова отчаянно болела, она ничего не помнила – совсем ничего, что могло бы произойти в последнее время. Как она сюда попала, что происходит? Ее что, похитили? Кто? Как? Полная недоумения и ужаса, она огляделась сквозь спутанные мокрые волосы. Она лежала на земле, похоже, во дворе какой-то усадьбы: вокруг виднелись

стены построек из вкопанных стоймя широких толстых досок, а вокруг стояли люди, десяток или больше.

– Смотрите, очнулась! – заговорили над ее головой.

– Ой, смотрит!

– И-ингер, о-о-тойди!

– А вроде сейчас она в виде девушки?

– Да, глядите, совсем молоденькая!

– Вот пусть так и остается, мне нравится! – со смехом сказала кто-то. – А старух не надо!

Гуннхильд окинула взглядом лица – никого из этих людей она не знала.

– П-попробуй только открыть рот без разрешения, я м-мигом снесу тебе голову! – произнес рядом мужской голос.

Он звучал твердо и решительно, и ясно было, что заикание идет не от страха, а в силу природного недостатка.

Гуннхильд перевела взгляд и вздрогнула. Перед ней стоял молодой мужчина огромного, как ей показалось, роста, со светлыми волосами, белесыми бровями и рыжевато-золотистой бородкой. Голубые глаза смотрели на нее с гневом, лицо дышало суровой непримиримостью.

Именно этот человек вдруг вырос перед ней на тропе через рощу, за какие-то мгновения до того, как она потеряла сознание! И почти одновременно Гуннхильд вспомнила и все остальное. Они с бабушкой Асфрид попросили Кнута проводить их к священному камню Фрейи; они побывали возле камня и уже возвращались, но на полпути бабушка обнаружила, что обронила маленький нож с цепочки под нагрудной застежкой. Гуннхильд побежала назад, надеясь найти его, пока бабушка отдыхала на поваленном дереве. Асфрид еще сказала, что, если нож найдется внутри круга белых камней, его следует оставить там – значит, Фрейя пожелала взять.

Но вернуться к Серой Свинье Гуннхильд не сумела. Она поскользнулась на крутой мокрой тропе и почти упала с пригорка, и в это время перед ней внезапно вырос незнакомый мужчина с гневно блестящими голубыми глазами. Она успела лишь подумать, что, может быть, он поймает ее и не даст упасть, а он вместо этого ударил ее по голове!

Что было дальше, она не знала. И вот он принес ее куда-то, надо думать, к себе домой. А как же бабушка Асфрид? Кнут и его спутники? Они ведь не знают, куда она девалась, наверное, ищут в роще возле камня, зовут... Да, но сколько прошло времени? Гуннхильд глянула на небо, но оно было сплошь затянуто серыми низкими тучами, и она не поняла, далеко ли до ночи. Правда, темнеть пока не начало... Если, конечно, еще продолжается тот же самый день.

– Что ты делала возле С-серой Свиньи? – допрашивал тем временем обладатель сердитых голубых глаз. – Кто ты такая? Откуда ты взялась? Ты – ведьма?

– Н-нет, – хрипло отозвалась Гуннхильд и попыталась покачать головой, но было так больно, что она запнулась и поморщилась. На глазах показались слезы. – Где я? Кто вы все?

– Ха! Она нас не знает! Вы слышали что-нибудь подобное? – весело воскликнул другой мужчина.

Он был старше и мог бы приходиться первому отцом; у него были такие же голубые глаза и светлые волосы, только они были пышнее, а борода длиннее, с сединой на щеках. Худощавый, не располневший к старости, как случается с состоятельными людьми, которым редко приходится недоедать, одет он был так хорошо, что Гуннхильд посчитала его хозяином этой усадьбы.

– Г-говори правду! – Сердитый мужчина протянул к ней руку, в которой был зажат скрамасакс, вынутый из ножен, и, сунув ребро лезвия Гуннхильд под подбородок, приподнял ей голову. – Отвечай, ведьма! Зачем ты сюда пришла?

– Я не приходила... Я была у Серой Свиньи... Не знаю, зачем меня сюда принесли! – Гуннхильд попыталась стереть слезы о плечо. – Кто вы такие? Зачем ты на меня набросился?

– Эт-то я набросился? – возмутился хозяин скрамасака. – Это ты н-набросилась на меня? Скажешь, нет? Ты прыгнула на меня с пригорка! А перед этим ты ходила вокруг камня

и при каждом обходе меняла облик. Я видел своими глазами! Попробуй только сказать, что это неправда!

– Я не меняла облик! Мы были там вдвоем с бабушкой!

– Так их там было еще и две! – заговорили вокруг.

– Две ведьмы!

– Откуда столько набежало?

– Скажешь, у вас с бабкой н-на двоих один плащ?

– Вовсе нет! У нас разные плащи!

– Я своими глазами видел один и тот же плащ! Ты была одна и та же, но один раз – старуха, а в другой раз – молодая. К-каков же твой истинный облик?

– У меня один облик! И мне восемнадцать лет, до старухи мне еще далеко! Развяжите меня! – Гуннхильд в негодовании потрясла связанными руками. – Я не сделала ничего плохого!

– Наверное, она и правда молодая на самом деле, – заметил тот мужчина, что постарше. – Ведь если бы этот облик был ложным, он рассеялся бы, когда ты поднес к ней нож. Ведь все видят, что это молодая девушка, или мне одному так кажется?

Мужчина обвел вопросительным взглядом своих людей, и все закивали:

– Да, да, конунг. Это девушка.

Конунг! Гуннхильд не была уверена, что расслышала правильно, но вытаращила глаза. Если он правда конунг, это может быть только Горм! Если ее не унесло злым колдовством через море, то ближе Борнхольма и Блекинге других конунгов нет.

– Но это не значит, что она не принимала облик старухи! – непримиримо ответил противник Гуннхильд.

– А и правда, я слышала, есть в наших краях ведьма, которая состарилась, а потом опять стала молодой, – заметила какая-то из женщин.

– Но где же тогда ее бабка? Ты ведь принес только одну ее, да, Харальд? – произнес надменный и насмешливый женский голос.

Из-за плеча того, кого называли конунгом, выглядывала девушка одних лет с Гуннхильд. Она была очень красива – тоже рослая, пышного сложения, но не толстая, с тонкими правильными чертами белого лица и целым облаком выующихся золотистых волос; одни пряди были светлее, другие темнее, и закручены они были в красивый узел, из которого длинный хвост волос кудрявым водопадом спускался по спине.

– Н-никакой бабки там не было! – отрезал Харальд. – Она была одна, когда набросилась на меня.

– Я не набрасывалась. Я поскользнулась!

– Она набросилась и пыталась меня схватить!

– Просто ты так ей понравился, что она хотела скорее тебя обнять и расцеловать! – усмехнулась кудрявая красавица.

– Харальд, дай ей объяснить! – велел Горм-конунг, с любопытством рассматривая незнакомую девушку. Ухоженный уверенный вид, богатый, хоть и запачканный наряд пристали бы скорее знатной деве, чем ведьме. – Ну-ка, девушка, расскажи нам, кто ты и откуда взялась? Мне вроде бы кажется, я уже где-то тебя видел... – добавил он, вглядываясь. – Если мы найдем, что ты говоришь правду, мы развяжем тебе руки и не причиним никакого зла.

– Я... – начала было Гуннхильд и умолкла.

Делая вид, что ей неудобно говорить и хочется сесть получше, она тем временем лихорадочно соображала, как быть. Конунг! И Харальд! Похоже, ее угораздило наткнуться в лесу на Харальда, сына Горма, Кнутова младшего брата. И он, приняв за ведьму, притащил ее в отцовскую усадьбу. А о возвращении Кнута здесь ничего не знают. И уж конечно, не знают о том, что Кнут привез мать и дочь их злейшего врага Олава в гости к своей матери!

Гуннхильд окинула внимательным взглядом людей вокруг, но не заметила ни одной женщины, которую можно было бы принять за королеву Тюру. Единственную, кто мог бы ее защитить! И вот теперь она должна сама рассказать, что они с бабушкой Асфрид решили предаться в руки Кнютлингов и искать покровительства Тюры! Уже будучи здесь, в их доме!

И к тому же ее считают ведьмой! Если она сейчас назовет свое имя... о нет! От женщины из семьи старых врагов и так не ждут ничего хорошего, а этот сумасшедший Харальд якобы видел, как она творила ворожбу и меняла облик!

– Отвечай, не бойся! – подбодрил ее Горм. – Стюр, брось дубину и подними ее... да не дубину подними! – прикрикнул он на бородача в мокрых башмаках, который послушно выпустил дубину и тут же вновь схватил с земли. Вокруг засмеялись. – Девушку подними! К чему ей лежать на земле, я не слышу, что она говорит.

Стюр подхватил Гуннхильд и поставил на ноги, но стоять ей было трудно, и ему пришлось ее придерживать. Руки и ноги онемели, все тело болело, будто ее били, голова тоже болела. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой разбитой. А что еще будет!

– Я и правда издалика... – робко начала она, обращаясь к Горму, который казался ей самым добрым человеком из всех собравшихся.

Подняв связанные руки, она попыталась убрать с лица мокрые волосы.

Харальд по-прежнему стоял рядом, держа скрам и всем видом выражая готовность в любой миг перерезать ей горло. Вид у него был хмурый и мрачный. Даже теперь, когда сама Гуннхильд стояла, он все равно возвышался над ней больше чем на голову и был самым рослым из всех собравшихся.

– Мы с моей бабушкой приехали издалика... – продолжала Гуннхильд, осторожно подбирая слова. За время лежания на земле, к тому же облитая водой и наполовину вымокшая, она сильно озябла и теперь дрожала и стучала зубами, из-за чего речь ее сделалась не слишком внятной. – У нас... случались неудачи. Мой отец... был вынужден уехать из дома, и мы остались безо всякой защиты. И мы решили попросить помощи у Фрейи. Мы слышали, что здесь есть ее священный камень и она благосклонна к женщинам, которые просят у нее покровительства возле Серой Свиньи и приносят жертвы. И мы пошли... вдвоем с бабушкой. Мы ничего здесь не знаем, но нам указали дорогу... добрые люди. И мы принесли жертвы, по очереди обошли камень. Это же моя бабушка, мать моего отца, конечно, она уже старая женщина! – втолковывала Гуннхильд, доверчиво глядя на Горма и надеясь, что он, неглупый вроде человек, должен понять такую простую вещь. – И да, мы похожи, даже лицом, ведь мы близкие родственницы, только она на сорок лет старше. Мы одного роста, и у нас одинаковые плащи, отец привез большой отрез синей ткани из Дорестада, и мы сшили себе плащи: я, бабушка и наша тетка, жена моего покойного дяди... Она осталась дома.

– Вполне убедительно! – Горм кивнул. – Ингер, у вас ведь тоже с матерью есть одинаковые платья!

– Да, и накидки у нас обшиты одинаковым шелком из того франкского платья, что Харальд привез в прошлый раз! – Светловолосая красавица кивнула. – Харальд был так неосторожен, что у платья вся спина изрублена топором, его было невозможно починить, и пришлось переднюю часть и рукава изрезать на ленты.

– Однако зачем ты напала на моего сына? – с любопытством спросил Горм. – Многие женщины его боятся, и я в первый раз вижу, чтоб одна из них на него бросилась!

– Я н-не бросилась! – стуча зубами, ответила Гуннхильд. – М-моя бабушка потеряла нож где-то на тропе, и я вернулась за ним. И я п-поскользнулась и чуть не упала. А твой... этот человек, – она слегка кивнула на Харальда, – вдруг появился там внизу, под пригорком. А я не могла остановиться и невольно съехала по склону п-прямо на него. Я же не думала, что он так испу...

Она прикусила язык, но люди вокруг рассмеялись – уже над Харальдом.

– Она лжет! – упрямо возразил Харальд. – Она нарочно прыгнула на меня и еще читала заклинание при этом!

– Но можно это проверить! – сказала Ингер. Судя по тому, как уверенно и даже надменно она держалась, эта девушка привыкла высказывать свое мнение, не стесняясь присутствия мужчин и старших. – Она говорит, они потеряли нож. Пусть пойдут и поищут там, нет ли возле камня этого ножа.

– И заодно ее бабки, – подсказал еще кто-то из мужчин.

– О да, поищите мою бабушку! – взмолилась Гуннхильд, надеясь, что рядом с Асфрид обнаружится и Кнут. Если на Асфрид никто не напал, то она уж, наверное, сообщила Кнуту, что ее внучка пошла искать нож и пропала! – Она подтвердит... она все объяснит.

– Но кто вы такие? Если таким знатым женщинам пришлось плохо и вы остались, как ты говоришь, без защиты, почему вы не обратились ко мне? – задал вопрос Горм. – Я, конечно, не Фрейя, но тоже могу иной раз поддержать беззащитных женщин! Да нет, я точно тебя где-то видел! – добавил он, снова вглядываясь в ее лицо. – Я помню... только плохо помню, будто это было очень давно. Мы не могли видеться раньше? Где ты живешь?

– Едва ли, Горм-конунг, мы виделись, – Гуннхильд покачала головой. – Мы живем далеко, я никогда не бывала здесь, а ты не бывал у нас.

С ее родичами-мужчинами Горм не раз встречался в бою на суше и на море, но женщин Инглингов до сих пор не видел.

– Кто твой отец?

А Гуннхильд молчала. У нее не хватало духу назвать свой род. Но все смотрели на нее и ждали ответа.

– Говори! – хмуро велел Харальд.

– Я бы попросила тебя, конунг... – нерешительно начала она. – Задай эти вопросы твоему сыну Кнуту.

Все вокруг опять пришли в волнение.

– Кнут? – Харальд снова приступил к ней. – Что ты знаешь о Кнута? Отвечай!

– Он скоро вернется. Он, можно сказать, уже вернулся. И он ответит тебе на все вопросы, конунг.

– Но ты можешь хотя бы сказать, как тебя зовут? – спросил Горм.

– Отвечай! Свое имя ты ведь знаешь? – Харальд снова приподнял ее подбородок скрамасаксом, но на сей раз уже не лезвием, а рукоятью, спрятав клинок в ножны.

Гуннхильд зажмурилась и молчала, дрожа так, что едва стояла на ногах.

– Она сейчас в обморок упадет! – будто издалека донесся голос, кажется, Ингер, а может, какой-то другой женщины.

– А по-моему, она призывает духов! – крикнул еще кто-то.

– Н-надо бросить ее в в-воду! – решил Харальд. – Это н-надежный способ проверить ведьму. Она упоминала Кнута! Она что-то о нем знает! Отв-вечай, что такое с моим братом! – Харальд шагнул вперед, крепко схватил Гуннхильд за плечи и потряс.

У нее мотнулась голова, стукнули зубы, но она и правда теряла сознание от холода, страха и изнеможения и уже не могла отвечать.

– О боги! – вдруг воскликнул Горм. – Я вспомнил!

Он шагнул ближе и наклонился, пристально всматриваясь в лицо Гуннхильд.

– Я видел... я и правда видел ее! Теперь я помню! Но это было... О боги, это ведь было лет сорок назад! – Он отшатнулся, будто от огня. – Харальд прав! Она ведьма! Сорок лет назад, когда я был подростком, она была точно такой, как сейчас. Эта женщина или меняет облик, или умеет не стареть.

– Я же вам говорю! У-утопить ее!

– Можно проверить, ведьма ли она, если бросить в воду!

– Давайте! Пошли! Отведем ее на озеро!

– Только закройте ей лицо!

На голову Гуннхильд снова набросили плащ, но она больше не могла стоять и упала наземь. Горм сделал знак, здоровяк Стюр подхватил ее на плечо. Она не сопротивлась, а висела, будто подстреленная косуля.

– Идемте! Утопим ведьму!

Во главе с конунгом и его сыном вся толпа повалила со двора, направляясь к озеру неподалеку от усадьбы. В это озеро сбрасывали разные вещи в дар богам, и для испытания ведьмы лучше места было не найти. Обычную женщину вода примет, а ведьму отвергнет и та останется на поверхности даже со связанными руками, неспособная плыть. Но Гуннхильд почти не осознавала, что ее несут, чтобы бросить в ледяную зимнюю воду. Она была почти без сознания; промерзшая, страхом, дрожью и нехваткой воздуха под плащом доведенная до изнеможения, она уже ничего не могла поделать.

Но едва они вышли за ворота усадьбы, как на дороге показались бегущие навстречу люди.

– Конунг! Твой сын Кнут возвращается! – наперебой кричали они. – Дружина вернулась!

– Возвращается? – воскликнул Горм среди общего волнения. – Все целы?

– Не так чтобы все! Они сражались с Олавом!

– Я так и думал!

– Я г-говорил!

– Но Кнут хотя бы цел? Он вернулся?

Забыв о ведьме, Горм и Харальд, а за ними все прочие, ускорили шаг. Ингер так и вовсе побежала вперед, желая скорее увидеть старшего из братьев. На дороге уже виднелся стяг Горма, с которым ходили его сыновья, колышущийся над походным строем потрепанной дружины. Во главе виднелись несколько всадников... Это Кнут!

– Ой, Харальд, вон еще одна твоя ведьма! – вдруг закричала Ингер, резко остановившись. – Вон, возле Кнута. Видишь женщину в синем плаще? Плащ точно такой же!

Все, кто ее слышал, обернулись, отыскивая глазами первую ведьму. Стюр так и нес ее на плече за конунгом, потому что ему не приказывали ничего другого. Пойманная ведьма была здесь, а возле Кнута еще одна, точно такая же! И теперь уже было видно, что это пожилая женщина с морщинистым лицом, но плащ на ней был точно такой же. Даже Горм застыл, не доходя шагов двадцать до старшего сына и не зная, что сказать.

А пожилая ведьма вдруг схватила Кнута за рукав и закричала, показывая в сторону Стюра:

– О боги, да вот же она!

* * *

Следующих дней Гуннхильд почти не запомнила. Ненадолго приходя в себя, она видела лежанку в незнакомом доме, с резными столбами и занавеской. Гуннхильд бросало то в жар, то в холод, она то потела, то мерзла, несмотря на то что была укрыта двумя шкурами и рядом в очаге пылал огонь. Асфрид сидела возле нее, и поэтому Гуннхильд не слишком тревожилась об остальном. Бабушка то поила ее отварами трав – цветов бузины, ивовой коры, белой кувшинки, липовым цветом, – то вытирала ей лоб, помогала переменить мокрую сорочку, растирала грудь и спину медвежьим жиром, кормила кашей с ложечки, как маленькую, но Гуннхильд совсем не хотела есть и могла проглотить лишь чуть-чуть. Иногда бабушку сменяли Унн и Богута, иногда совсем незнакомые женщины. Особенно часто появлялась одна, пожилая, по имени Аса. Но Гуннхильд не понимала, сколько прошло времени; иной раз, очнувшись, она думала, что продолжается все тот же день – начало его терялось так далеко в прошлом, что она даже не помнила, какие события там сокрыты. А иногда ей казалось, что она лежит так уже

много-много дней, возможно, даже успела состариться. Но было не до размышлений: каждый вдох причинял боль, мучительный кашель раздирает грудь, сон мешался с явью, и нередко ей казалось, что вокруг уже смыкаются черные стены обиталища Хель.

И тогда рядом возникал свет; сначала это было просто пятно, но потом оно принимало очертания женской фигуры, проступало лицо, и Гуннхильд видела саму себя в полусне-полубреду. Это она, Гуннхильд, только такая красивая, какой она никогда не видела себя в отражениях; женщина-двойник подходила, наклонялась, клала прохладную руку на лоб, и сразу становилось легче дышать. Очнувшись и вспоминая это видение, Гуннхильд думала, что к ней как будто является ее фюльгья, дух-хранитель, способный принимать облик животного или женщины. Становилось жутко: ведь обычно фюльгья показывается только перед смертью человека, но эта, похоже, хотела защитить Гуннхильд от жадных рук Хель.

То ли невидимая для других гостя помогла, то ли молодая сила крепкой девушки, но постепенно болезнь отступала. Гуннхильд уже не впадала в забытие, жар спал, и хотя кашель еще держался, она начала понимать, что происходит вокруг. Оказалось, что она лежит в девичьем покое Гормовой усадьбы, где поселили их с Асфрид. Когда внучка уже была способна воспринимать, бабушка стала тихонько рассказывать о событиях последних дней.

Само собой, Горм и его домочадцы весьма удивились, узнав, что две «ведьмы», так смутившие Харальда, оказались дочерью и матерью их врага Олава из Слиасторпа. Между Кнютлингами происходили бурные объяснения: Харальд упрекал брата в нерешительности, из-за которой тот не захватил Хейдабьор и не взял клятву верности с его хёвдингов. Горм скорее был недоволен тем, что Кнут вообще ввязался в эту глупую войну с Олавом, с которой легко мог не вернуться. Однако то, что он привез женщин Олава, сочли успехом: с пленницами в руках можно вести переговоры, имея на своей стороне перевес, даже если из Швеции Олав вернется с сильным войском.

Харальду тоже досталось. После случая с «молодеющей» ведьмой, которая оказалась двумя разными женщинами, над ним смеялись исподтишка, а кто-то даже сложил вису, которую Асфрид тайком передала внучке:

Видит воин всадниц волка –
Ведьму ловит Видур стали.
Славен Харальд в пляске Хильды –
Лихо Хлинн кольца пленил он.

Ходили слухи, будто эту вису сложил о брате Кнут, в отместку за ссору и постоянные нападки на его-де недостаточную решительность.

Гуннхильд понимала, что Харальд зол и на нее. К ее удивлению, через несколько дней Асфрид сообщила, что младший сын Горма хочет зайти к ней.

– Он все-таки намерен меня утопить? – покашливая, спросила Гуннхильд. – Довести свое дело до конца?

Она уже не лежала, а сидела в постели, опираясь спиной о подушку, одетая в новую сорочку из тонкой белой шерсти, а Унн расчесывала ей волосы.

– Сейчас он выглядит довольно мирно, – успокоила бабушка. – Но я буду здесь и позову на помощь, если что.

Гуннхильд кивнула, и Унн позвала Харальда, ждавшего снаружи. Он подошел к лежанке и остановился, засунув ладони за пояс и глядя на Гуннхильд с высоты своего роста. Вид у него и правда был не такой свирепый и воинственный, как в прошлый раз.

– Здравствуй, госпожа, – спокойно сказал он. – Я слышал, ты поправляешься.

– Но ты убедился, что я не меняю облик и нас было две? – тихим голосом ответила Гуннхильд.

Он пристально смотрел на нее в полутьме покоя, и ей вдруг стало неловко, что она лежит бледная и изможденная, с тусклыми грязными волосами.

– Да, конечно. – Харальд посмотрел на Асфрид. – Дело в том... Еще когда я был маленький, меня сильно напугала одна ведьма. С тех пор я стал заикаться, и я н-не люблю женщин, занимающихся колдовством.

– Мы не занимаемся колдовством. Ничем таким, что было бы неприлично знатым женщинам. Моя бабушка знает руны... и я немного знаю, но это искусство дано самим Одином, и в нем нет ничего дурного.

– Асфрид сделала тебе руническую палочку, я слышал?

– Да, она у тебя под подушкой.

– Вот. – Харальд разжал кулак и положил Гуннхильд на одеяло маленький нож в ножнах, красиво отделанных узорной бронзой – тот самый, что Асфрид потеряла на тропе.

– Где ты его нашел? – ахнула Гуннхильд.

– Шагах в десяти от круга белых камней.

«Теперь ты убедился, что я говорила правду?» – хотела сказать Гуннхильд, но промолчала. Уже то, что Харальд принес нож, доказывало, что он понял свою ошибку.

Харальд помолчал, потом сказал «Выздоровливай» и ушел. Гуннхильд еще долго думала, зачем он приходил. Зачем рассказал, что в детстве испугался ведьмы и с тех пор из-за этого заикается?

Неужели он таким образом извинился?

И еще кое-кто приходил попросить у нее прощения, но более явно. Это был сам Горм-конунг: явился и некоторое время посидел на краю ее лежанки. Дочь его Ингер пришла с ним и села в стороне.

– Не сердись, что я почти согласился испытать тебя как ведьму, – говорил он. – Но я и правда был уверен, что видел твое лицо сорок лет назад. И так оно и было, только я видел твою бабушку! – Он кивнул Асфрид. – Я еще подростком встречал ее на пиру Одинкара-конунга. Тогда она была незамужней девушкой, с такими же рыжими волосами, и лицом ты похожа на нее, будто горошина из того же стручка!

Гуннхильд улыбнулась: ей и другие говорили, что она очень похожа на бабушку, но никто из ее окружения не помнил Асфрид, дочь Одинкара, до замужества. А Горм встретился с ней еще до того, как она вышла замуж за Кнута из рода Инглингов. Она была старше Горма лет на восемь, и сам он в женихи ей не годился, но, надо думать, рыжеволосая Асфрид произвела на мальчика впечатление, которое не изгладилось и сорок лет спустя.

– Ох, все давно забыли мою красоту, а теперь она едва не стоила жизни моей внучке! – вздыхала Асфрид.

– Давно никакая женщина не вносила столько смятения в наш род! – заявила Ингер и встала. – Кнут принял тебя за богиню, Харальд – за ведьму, а мой отец – за твою же бабуку!

С этими словами она удалилась.

– Про таких говорят, что они рождены сводить людей с ума, и тебе это удастся! – Горм дружески пожал руку Гуннхильд. – Она поправится! Я уверен, что она скоро будет совсем здорова, ведь это сильная девушка. Мой сын Кнут с особенным нетерпением ждет, когда она сможет встать с постели.

И Горм подмигнул Гуннхильд. Означает ли это, что он одобряет увлечение сына и видит в ней хорошую невестку?

Кнут приходил проводить ее каждый день: пел песни, рассказывал разные забавные происшествия. Гуннхильд радовалась ему – лежать целый день в полутемном покое было так скучно! Но порой, услышав скрип двери, ловила себя на мысли: а вдруг это снова Харальд? И тогда ее пробирала дрожь волнения, которое удивляло ее саму. Но он больше не приходил.

Хотя, как она знала со слов бабушки и Кнута, его младший брат не уехал в свою усадьбу, напротив, его жена Хлода явилась за ним сюда.

– Значит, Харальд не живет здесь, с отцом? – спрашивала Гуннхильд Кнута.

– Нет, он переехал года три назад... или четыре. Их усадьба называется Эклунд, она стоит в дубовой роще. Его жена не ладила с Ингер, да и с матерью иногда тоже. Хотя наша мать – очень добрая женщина и рассердить ее трудно. Но с Ингер они всегда ссорились, и мать в конце концов решила, что им следует уехать, и пусть Хлода хозяйничает в своем доме как хочет.

– Она хорошая хозяйка?

– Не знаю. Вот Ингер, пожалуй, не очень. – Кнут вздохнул. – Всю эту зиму наша мать болеет, а от Ингер, честно говоря, мало толку. Теперь вот госпожа Асфрид помогает. Спасибо ей за это. Никогда бы не поверил, что женщина из семьи Инглингов будет хозяйничать у нас в доме, а мы будем ей за это благодарны! – вырвалось у него. – Она, наверное, и тебя всему научила?

– Конечно, – кивнула Асфрид. – Моей внучке восемнадцать лет, и уже года два она сама готова принять ключи.

А Гуннхильд подумала, что если ей придется носить ключи в том же доме, где живет Ингер, то придется нелегко. Почему Горм не выдаст дочь замуж? Она уже несколько лет как невеста, а Кнютлингам тоже нужны союзники.

Сама королева Тюра тоже приходила навестить Гуннхильд. Как выяснилось, она была простужена, но была достаточно крепка, чтобы иногда вставать и даже выходить из дома. Тюру, пожалуй, на первый взгляд никто не назвал бы красавицей: хрящеватый кончик носа и слишком маленький тонкогубый рот, впрочем, довольно красивой формы, придавали лицу сходство с лисьей мордой, хотя видно было, что в юности это личико с лукавым и задорным выражением было чрезвычайно мило. Теперь она стала рассудительной и степенной, как подобает королеве и матери взрослых детей. Руки у нее были очень хороши – тонкие, с нежной кожей, сквозь которую видна была каждая жилка, с длинными пальцами. С Гуннхильд она обошлась очень приветливо, сама еще раз извинилась за своих мужчин и заверила, что обе ее родственницы могут себя чувствовать в полной безопасности, как бы ни обернулись дела.

За шитьем или прядением Тюра много рассказывала о своей семье. Гуннхильд узнала, что Кнут уже был однажды женат: лет семь назад ему сосватали Асвёр, дочь Ингимунда-хёвдинга, одного из самых влиятельных и богатых людей Средней Ютландии. Тогда Кнуту было двадцать лет. Асвёр, маленького роста, востроносая, по словам Тюры, смотрелась рядом с могучим, плотного сложения мужем, как белка возле медведя. Хлопотливая, порывистая, беспокойная, она всегда была чем-то озабочена и постоянно жаловалась на невезенье. Кнут при ней вечно чувствовал себя в чем-то виноватым, сам не зная в чем, и начал уже подозревать, что главная неудача, на которую Асвёр жалуется, – это брак с ним. А он ведь изо всех сил старался быть хорошим мужем и никогда не вмешивался в домашние дела жены, однако увидеть улыбку на ее хмуром личике удавалось редко. Из-за этого сам Кнут почти утратил прежнюю жизнерадостность и несколько оживал только во время отъездов из дома. Все время беременности Асвёр твердила, что судьба против нее и она непременно умрет родами. Все так привыкли к этим пророчествам, что когда они сбылись, никто не удивился. К тому же мальчик родился крупным, весь в отца. Кнут еще некоторое время ощущал свою вину даже в этом, но, похоронив жену, испытал облегчение и снова повеселел. Его сын, названный Харальдом, рос и воспитывался в семье покойной матери. Гуннхильд было не очень приятно узнать, что у Кнута уже есть *старший* сын и наследник, но что же тут поделать?

Понемногу Гуннхильд начала вставать и наконец так окрепла, что решила вечером выйти к конунгову столу. Перед этим она вымылась, служанки расчесали ей волосы, и теперь она выглядела почти как всегда, хотя была еще бледна и покашливала. Когда она появилась

вместе с бабушкой, люди Горма встретили ее гулом удивленных и радостных криков. О ней столько слышали в последнее время, что все только и мечтали поглядеть на эту девушку, не то богиню, не то ведьму. У Горма зимовало много народу, и «теплый покой» был битком набит.

Кнут выбежал им навстречу и сам проводил к женскому столу, стоящему поперек покоя. Тут произошла заминка: посередине сидела королева Тюра, справа от нее Ингер, слева место было для Асфрида, как уважаемой гостьи. Рядом с Ингер с другой стороны сидела еще одна молодая женщина: должно быть, Хлода, жена Харальда. Или скорее наложница, ведь женщина, взятая без соглашения между родами, подарков, выкупа и надлежащих обрядов, законной женой считаться не может. А если нет рода, то какое же соглашение, кому платить выкуп? Это тоже была красивая женщина: с большими глазами, немного вытянутыми к вискам, с пухлыми губами, она выглядела замкнутой и надменной. Рабыне не к лицу такая надменность, но Хлода ведь тоже была дочерью конунга, только неудачливого, и за этой надменностью скрывалась боль поправленного достоинства.

Королева Тюра подумала и сделала легкий знак рукой, предлагая Хлоде подвинуться и освободить место для Гуннхильд. Свободная дочь конунга, гостья и родственница королевы, та имела больше прав на почетное место, чем бывшая пленница. Хлода тоже помедлила, но все же встала; она не могла ослушаться королевы и хозяйки дома, но всем видом выражала негодование. От ее красивого лица так и веяло холодом, и Гуннхильд содрогнулась. И вспомнила, что хорошего подарка для Хлоды у нее нет: те застегки, которые было для нее приготовили, Асфрид еще за время болезни внучки поднесла Ингер.

За мужским столом, рядом с отцом обнаружился и Харальд. Заметив его, Гуннхильд тут же встретила с ним взглядом и удивилась: так хорош он ей показался. Она запомнила это лицо с мрачным и свирепым выражением, а сейчас, спокойное и веселое, оно было открытым, ясным и даже красивым. Крашенная льняная рубаша очень шла к его глазам, которые от соседства с темно-голубой тканью казались еще ярче, светлые волосы были причесаны, и одна прядь падала, свившись в мягкое полукольцо, на высокий лоб; на груди блестела серебряная цепь с узорным «молотом Тора», на пальцах было несколько колец, на запястье – витой браслет. Во внешности его смешались все оттенки серебра и золота: светлые волосы, белесые брови и золотистая борода на румянном лице придавали внешности особенную яркость и выразительность. У Гуннхильд мелькнула мысль: мало мужчин сравнится с ним всем видом, ростом и силой, и как жаль, что он такой сумасшедший! Но сегодня он послал ей вполне одобрительный взгляд и приветливо кивнул, даже улыбнулся. Желая со всеми быть в хороших отношениях, она улыбнулась в ответ. Может, он еще окажется не так плох?

– Мы рады видеть тебя совсем здоровой! – сказал ей Горм. – Признаться, многие здесь с нетерпением ждали, когда среди нас появится девушка настолько красивая, что сама Фрейя пожелала принять ее обличье.

При этих его словах Гуннхильд невольно бросила взгляд на Харальда и заметила, что он нахмурился. А Горм попросил ее рассказать: дескать, многие желают узнать, как все было в День Фрейи.

– Но тебе, конунг, следовало бы спросить об этом твоего сына Кнута! – ответила она. – Я ничего об этом не знаю, ведь в то время как Фрейя беседовала с ним, я сидела в Хейдабьоре.

И Кнуту пришлось рассказывать снова, как к нему явилась Фрейя и о чем с ним беседовала; все уже знали эту повесть, но теперь, глядя на Гуннхильд, с удовольствием слушали еще раз.

– Я подумал, как бы Фрейя не разгневалась, что с ее избранницей в нашем доме обошлись так неучтиво, – заметил Горм. – Что ты об этом скажешь, Харальд?

– Мы слышали, что иной раз боги являлись конунгам и беседовали с ними, – отозвался Харальд. – Я не знаю, приходила ли Фрейя к моему брату и зачем приходила...

– Скорее она пришла бы к тебе, ведь это ты так любишь слушать Христовых людей! – крикнула Ингер.

– Если бы она пришла ко мне... – Харальд пристально глянул на Гуннхильд, и ее пробрала дрожь. Хотя он и был настроен мирно, в присутствии этого человека ей становилось не по себе. – Я был бы осторожнее. Связываться с богинями опасно. Многим такие встречи стоили рассудка. Но я хотел сказать не об этом. Гуннхильд, дочь Олава, пострадала... не по своей вине. Ее одежда оказалась испорчена. Поэтому, чтобы ни она сама, ни Фрейя не держали на меня зла, я дарю ей новый плащ вместо того, который был на ней в тот день. Хлода, принеси!

Гуннхильд и правда не раз уже пожалела о своем красивом синем плаще на меху: после того дня, когда ее в нем неоднократно валяли по мокрой земле, он был весь в грязи, и хотя служанки постарались его отчистить, пятна были еще заметны, а после стирки он мог полинять.

Хлода слегка переменялась в лице и помедлила, но потом все же встала и вышла. Когда она вернулась, в руках у нее был большой кусок хорошей шерсти, выкрашенной в ярко-красный цвет. Хватит на новый плащ, чтобы поставить его на старую меховую подкладку. Подойдя к Гуннхильд, она почти бросила ткань ей на колени, и ее пухлые губы при этом презрительно дрогнули. Гуннхильд поежилась: эта женщина уже была ей врагом, хотя они не обменялись еще ни единым словом. Вместо того чтобы поднести ей подарок, Гуннхильд невольно вынудила ее отказаться от собственной обновки. Но что она могла поделать? Отвергнуть этот дар? Тогда она навлекла бы гнев Харальда, а что этого делать не стоит, Гуннхильд уже хорошо знала.

Вскоре Гуннхильд уже почти весь день проводила на ногах. Усадьба Горма была заметно больше Слиясторпа: двор, окруженный частоколом, насчитывал сотни по три шагов в длину и ширину. Там был огромный хозяйский дом, построенный из поставленных стоймя толстых досок на бревенчатой основе, с высокой дерновой крышей и дымовыми отверстиями под ней. В средней части располагался пиршественный зал, по обычаю называемый «теплым покоем», поскольку на земляном полу его, между резными опорными столбами крыши, располагалось три больших очага. Между столбами и стенами тянулись деревянные помосты: днем на них сидели, а ночью спали головой к огню – так они были широки. Для семьи хозяина имелись отдельные помещения в концах дома, в том числе женский покой, где жила Ингер и служанки; кроме лежанок и сундуков, там находилось несколько ткацких станков и прочие принадлежности для женских работ. С другой стороны от теплого покоя была поварня, где в больших черных котлах ежедневно готовили еду на сотни человек – домочадцев, челядь, дружину. Хирдманы жили в другом доме, столь же большом, внутри той же ограды; для гостей имелся третий дом. Прочее место занимали хозяйственные постройки, мастерские, домики ремесленников и более богатых хирдманов, имевших собственные семьи и хозяйства.

Гуннхильд все еще кашляла и была слаба, но лишь изредка уходила прилечь. Остальное время дня она проводила в девичьей, иногда в гриде, где королева Тюра, ее дочь и невестка со служанками днем пряли и шили. Гуннхильд тоже взялась за прялку. Но беседа велась в основном между Тюррой и Асфрид: две пожившие женщины рассказывали молодым о своих общих предках и деяниях минувших лет. Нередко послушать их приходил Кнут, а однажды даже Харальд присел ненадолго на скамью. При этом он не сводил глаз с Гуннхильд, но она не смотрела на него.

– Конунг Горм вчера говорил со мной о тебе, – тайком сказала ей Асфрид как-то утром. – И Тюра тоже. Горм не прочь сосватать тебя в жены своему сыну.

У Гуннхильд вдруг упало сердце.

– Которому? – невольно вырвалось у нее.

Вдруг так ярко представился Харальд, обнимающий ее, что стало жарко.

– Кнуту, разумеется, – удивилась Асфрид. – Харальд младше и уже женат.

– Это не настоящая женитьба, – пробормотала Гуннхильд, сама стыдясь своей глупой ошибки.

– Да, не настоящая, но у Кнута нет даже такой жены, а невеста твоего происхождения полагается ему как старшему. А главное – я к тому веду, – что сам Кнут очень хочет видеть тебя своей женой, а Харальд противится этому.

– Вот как! – Гуннхильд вскинула глаза. – Харальд не хочет, чтобы Кнут на мне женился?

– Он не доверяет тебе. Он все-таки считает, что ты не чужда колдовства и зачаровала Кнута, вынудила отступить от Хейдабьора, хотя ничто не мешало ему занять вик.

– Но это была не я!

– Он, как мне думается, не слишком верит, что к его брату приходила сама Фрейя. Или совсем не верит. К тому же считает опрометчивым вводить в род женщину из семьи кровных врагов, пока эти враги не побеждены и мир не заключен. И с этим его доводом Горм согласен. Ни свадьбы, ни обручения ведь не может состояться, пока Олав не вернется и они с Гормом между собой не договорятся.

– Но ведь никто не знает, когда отец вернется!

– Да, и это может случиться не скоро. – Асфрид вздохнула. – Я молю богов, чтобы они не приказали мне умереть раньше, чем все это уладится, и ты не осталась здесь, среди чужих, совсем одна.

– О нет! – Гуннхильд в испуге прильнула к бабушке. – Ты ведь здорова, ты проживешь еще много лет!

– Бывало, женщины жили и дольше, но я была бы спокойнее, если бы ты обрела защитника понадежнее, чем старуха. Тюра благосклонна к тебе, она не даст тебя в обиду, даже если меня не станет, но и она не сможет помочь, если дела Олава пойдут плохо и ты сделаешься дочерью разбитого или погибшего конунга. Тогда и ты сможешь в лучшем случае стать такой же побочной женой, как Хлода. Спасет нас только, если Олав вернется с войском и сможет договориться с Гормом по-хорошему. Но пока мы с тобой здесь, договор будет таким, какого захочет Горм. Кнут на нашей стороне, а Харальд против. В их собственной семье нет согласия. Не знаю, к добру это для нас или к худу.

Гуннхильд промолчала. Ей было тревожно и досадно. Харальд не доверяет ей! Можно подумать, это она набросилась на него, стукнула по голове, обвиняла тролль знает в чем, пыталась бросить в воду и довела до болезни! И он же ей теперь не доверяет! Не хочет принять в свою семью! Быть отвергнутой тем, кто ей поневоле так нравился, было особенно обидно. Сама она охотно вошла бы в эту семью: Кнут – приятный человек, а сам дом Горма даже ее, дочь конунга, поражал размерами, богатством и многолюдством. И Харальд... Если этот союз не состоится, ей придется уехать и она больше его не увидит. Почему-то эта мысль причиняла боль.

Обиженная и раздосадованная, Гуннхильд старалась не замечать Харальда и порой за целый вечер, пока все домочадцы и дружина сидели за столами, вовсе не смотрела в его сторону. А это было нелегко, ибо Харальд был человеком заметным: он много и оживленно говорил, по каждому делу имел свое мнение, часто пел, участвовал в разных забавах. В этом они со старшим братом были похожи, как и во внешности их имелось много общего, только у Кнута лицо было круглее и сам он плотнее, а Харальд был более худощав и лицо имел продолговатое, высоколобое и более жесткое. Зато нравом они, несмотря на внешнюю живость и общительность, отличались очень сильно. Кнут был человек мягкий, как убедилась Гуннхильд, наблюдая за ним в кругу семьи и домочадцев, склонный жить со всеми в ладу, дружелюбный, почтительный к старшим. Он с готовностью соблюдал все обычаи и избегал любых ссор. О предках он говорил с восторгом и почтительностью – в отличие от Харальда, который не упускал случая указывать на совершенные ими ошибки. А Харальд и нравом был более жесток и суров, несмотря на веселость, и сам устанавливал для себя законы и обычаи. Гуннхильд было ясно, что из Кнута выйдет гораздо более приятный муж. Но если придет беда, она охотнее доверилась бы защите его младшего брата. Какое было бы счастье, если бы она вышла за Кнута и

они жили бы с Харальдом одной дружной семьей! Если бы он перестал смотреть на нее так насмешливо и пристально, будто ежедневно подозревает в неких кознях!

– Почему твой брат так смотрит на меня? – однажды, не выдержав, шепнула она за ужином Ингер.

Дочь Горма, надменная и самоуверенная, не слишком-то нравилась Гуннхильд, но была единственной девушкой, равной ей по положению, и поневоле приходилось делать вид, что они дружат.

– Мой брат в тебя влюблен, об этом знает каждый рыбак на побережье! – насмешливо ответила Ингер, и у Гуннхильд что-то оборвалось в груди. – Кнут каждый день просит мать уговорить отца справить вашу свадьбу поскорее!

– Кнут... – шепнула Гуннхильд, подавляя разочарование и укоряя себя: как могла она даже подумать, что Ингер имеет в виду другого брата! – Но я не о нем говорю, – добавила она вслух. – Почему твой брат... Харальд... – Гуннхильд почему-то запнулась, будто ей было трудно произнести это имя, – так смотрит на меня? Будто боится, что я стяну что-нибудь со стола! – с шутилой обидой добавила она и, пересилив робость, бросила выразительный обиженный взгляд на мужской стол, откуда Харальд наблюдал за их беседой.

– Он боится, как бы тебе опять не вздумалось разыграть Фрейю!

– Я ничего не собираюсь разыгрывать!

– Харальд! – закричала Ингер. Гуннхильд ахнула и попыталась ее остановить, браня себя, что затеяла этот разговор, но было поздно. – Наша гостя спрашивает, почему ты тарачишь на нее глаза, будто боишься, что она украдет чашу со стола! Я говорю, ты боишься, как бы она опять не превратилась во Фрейю.

– Я никогда ни в кого не превращалась! Это только... некоторым везде мерещатся... тролли и ведьмы.

– Харальд не робеет при встрече с ведьмами! – крикнул Горм, с любопытством следивший за девушками. – Каждой ведьме, что попадется ему на пути, придется плохо!

И непонятно было, хвалит он своего сына или смеется над ним.

– Не только я один смутился при встрече с этой девушкой! – дерзко крикнул Харальд. – Мой брат Кнут посчитал ее богиней, а ты, конунг, принял ее за ее собственную бабку. Видно, что-то есть в ней такое особенное.

– Госпожа так красива, что ее можно принять за светлого альва! – учтиво кивая Гуннхильд, сказал Регнер-ярл.

– Да, да, правда! – охотно подхватил Кнут. – За деву светлых альвов! Или за валькирию, что сбросила свое лебединое оперенье!

– Вот как много разных женщин в одной! – продолжал Харальд. – Мало ли, может, в ней прячется и что-нибудь похуже! Но если ведьмы еще встречаются, то я не слышал, чтобы в наше время боги принимали облик смертных и приходили в гости. Не поверю, что Фрейя принимала ее облик, пока сам не увижу.

– Это очень смелые слова, сын мой! – без улыбки заметил Горм. – Ты ведь ставишь условия не кому-нибудь, а самой Невесте Ванов.

– Я не боюсь ее! И если она придет ко мне, буду рад с ней повстречаться! Особенно если она скинет свое... лебединое оперенье.

И эти слова он сопровождал таким красноречивым взглядом, что все вокруг засмеялись, а Гуннхильд с пылающими щеками опустила глаза. «А если рассердить Фрейю, то последствия скажутся немедленно, и его жена Хлода не обрадуется!» – в гневе подумала она.

И что-то еще терзало ее в этот миг помимо гнева – слишком неприятна была мысль о том, что Хлода получает от своего мужа.

Ее могло бы несколько утешить то, что сама Хлода, наблюдая, какие взгляды ее муж бросает на пышную грудь рыжей южанки, тоже чувствовала себя неважно.

* * *

Вскоре стало ясно, отчего Харальд, сын Горма, так дерзко говорит о богах. В Эбергорде объявился епископ Хорит, сакс. Гуннхильд знала его: он уже бывал в Хейдабьоре и Слиасторпе, пытаясь добиться от ее отца содействия в делах Христовой церкви. В сопровождении нескольких монахов он прибыл из Гамбурга на торговом корабле. Обычно в такие путешествия по морю пускались летом, но у епископа были причины спешить.

Прослышав о таких гостях, в дом набралось немало народу. С корабля саксы сошли в простых одеждах из некрашеной серой шерсти, в бурых суконных плащах, но для встречи с конунгом нарядились в широкие цветные рубахи из шелка – далматики, что уже несколько веков были желанной добычей викингов и целью нападения на франкские, британские, фризские, германские города и монастыри. На двух спутниках епископа были зеленые одежды, на нем самом – светло-коричневая в золотых узорах в виде диковинных крылатых птиц и коней. Конунгу и его семье саксы поднесли такие же одежды, пару бочонков красного вина и связку кунных шкурок.

– Папа римский Агапитус, архиепископ гамбургский Адальдаг и сам избранный Богом, ныне властвующий над всеми князьями король Германии Оттон, сын Генриха, прислали меня, раба Божия Хорита, с поклоном и словами дружбы к тебе, король Горм! – говорил он. Епископ пользовался северным языком довольно уверенно. – По всему свету известна твоя доблесть, мудрость и справедливость, и все народы завидуют тому, которому Бог послал подобного тебе владыку. Под властью твоей процветает племя данов, заливы и острова, и сердца наши возрадовались, когда стало нам ведомо, что земли твои приросли и увеличились, ибо присоединил ты к своим владениям Южную Ютландию со славным виком Хейдабьор. Истинно возрадовались мы переходу этих земель в руки столь мудрого, сильного и справедливого правителя, как ты. Ибо многие годы права христиан и самой Христовой церкви в этом городе терпят жестокие утеснения и взывают о помощи. На тебя возложены надежды наши, от рук твоих жаждет получить защиту и справедливость архиепископ гамбургский, и я, служитель Божий, и все добрые христиане Хейдабьора.

– И чем же я могу помочь христианам Хейдабьора? – осведомился Горм, умолчав о том, что, присоединив Южную Ютландию к его владениям, епископ слегка поторопился.

Гуннхильд тоже хорошо понимала, к чему Хорит ведет речь и почему поспешил явиться. После военных поражений ее дед Кнут был вынужден принять христианство, признать себя вассалом Отты-кейсара – короля Страны Саксов. И если раньше местные христиане платили ему, Кнуту, за разрешение отправлять христианские обряды в языческой стране, то теперь ему пришлось следить за тем, чтобы подати исправно отсылались гамбургскому архиепископу. Ее отец Олав покончил с этим, справедливо рассудив, что чужой король не имеет никакого права брать деньги с его земли, да еще в пользу церкви чужого бога. Король Отта и архиепископ Адальдаг, разумеется, возмущались этим, но, занятые иными делами, ничего не предпринимали. Однако сейчас, когда Инглинги оставили Южную Ютландию, архиепископ увидел в этом удобный случай восстановить свое влияние, а заодно и доходы. И теперь предлагал мир и признание за Кнютлингами прав на эти земли, если взамен те обязуются обеспечить своевременное поступление податей и соблюдение прав христиан в Хейдабьоре.

– Возможно, известно тебе, король данов, что уже два года, как король Оттон учредил, с благословения папы Агапитуса, епископию в Хейдабьоре и вверил ее мне, недостойному рабу Божию, – продолжал епископ. – В то же время учреждены были епископии и в других датских городах, а именно Рипе и Архусе, и туда поставил епископов архиепископ гамбургский Адальдаг. В городе Хейдабьоре свет Христовой веры воссиял уже давно: еще полтора-два столетия назад, когда правил там король Харальд, крещенный в Ингельгейме королем франков Людовиком

Благочестивым, стараниями благочестивого Ансгара там была построена церковь Христова, дабы датские христиане имели в земле своей источник благодати. И в прежние годы, после того как король Кнут принял крещение, подати с тех земель поступали исправно. Однако сын его Олав не пожелал последовать примеру своего отца и предал забвению церковь и веру Христову. Но прослышали мы о том, что поразили его гнев Божий и был он изгнан из своей страны и даже из своего дома, а значит, справедливость может быть восстановлена новым законным владыкой, защитником мира и добра, что принесет землям данов покой, процветание и славу. Сам же король Оттон приложит усилия и сделает все, на что Господь даст ему соизволение, чтобы незаконные владыки, пришельцы и оскорбители доброго порядка, никогда не вернулись больше в Хейдабьор.

Пока епископ говорил, Горм не раз поглядывал на Харальда. Тот слушал очень внимательно, и лицо его было так выразительно, что становилось ясно: ему есть что сказать.

– А пока... нередко добрые христиане терпят злые гонения и разорения. – Хорит бросил печальный взгляд на грудь Гуннхильд. – Сокровища Божьей церкви служат для забавы тех, кто даже не осознает их истинной ценности...

Гуннхильд посмотрела на цепочку между застежками своего платья: пара позолоченных подвесок с разноцветными блестящими камешками, которые достались ей от прабабки, матери деда Кнута, были изготовлены из накладок на деревянные обложки франкских церковных книг. Эти обложки викинги не раз привозили из набегов на монастыри, выдирая бесполезные для них пергаментные листы.

– Забота о своих сокровищах всякому понятна, и заботы эти нам близки, – кивнул Горм. – Но есть другое, что не так легко понять. Когда наши хёвдинги соберутся на тинг и спросят меня: «Конунг, асы и ваны, боги наших предков, исправно посылают нам добрый урожай, мир, а случись война, победу в бою, равно иные блага, которых может желать смертный. Хотелось бы людям знать, почему ты позволяешь чужому королю собирать подать с нашей земли?» Мне придется что-то им ответить, – с некоторой грустью добавил Горм, будто намекая, что задача эта нелегка. – Что ты, мудрый и ученый человек, или архиепископ Адальдаг, или Отта-кейсар, смогли бы мне посоветовать в этом случае?

– Я ответил бы, что твои люди не совсем верно поняли нашу просьбу, – отозвался Хорит. – Король Оттон вовсе не намерен собирать подати с чужой земли, он лишь желает, чтобы каждый человек мог свободно служить своему богу, и христиане, коль волею Господней число их в Дании умножилось и множится с каждым годом, могли приносить Ему свою дань любви и благодарности. И если будет на то твоя добрая воля, я с моими братьями, – он показал на сопровождающих, – сам поселился бы в Хейдабьоре вблизи стада, коего Господь поставил меня пастырем, и, собирая с него в пользу Господа малую дань, отдавал бы часть архиепископу. Ведь согласно обычаям всех народов, каждый младший должен чтить того, кого Господь поставил старшим над ним.

Горм благосклонно кивнул, соглашаясь с этим мудрым обычаем, и ободренный Хорит продолжал смелее:

– А Господь Бог наш не оставит доброту и справедливость твою без воздаяния, благословит тебя долгой жизнью, а правление твое изобилием, миром и процветанием подвластных тебе земель и народов. Ибо сам Бог, всеведающий и всемогущий, дает власть земным королям, почитающим Его. И только перед Богом, а не перед людьми, такими же смертными, как они сами, дают христианские короли отчет о своих делах.

При этих словах Харальд, как заметила Гуннхильд, бросил на отца выразительный взгляд: видимо, для него это не было такой уж новостью, и он лучше остальных понял истинный смысл этих слов.

– Приятно послушать мудрого человека... – задумчиво произнес Горм. – Что ж, если все так, то я думаю, нам не стоит вмешиваться в отношения между христианами, где бы они

ни жили, и их богом. Хотя людям покажется весьма странным, что посредником между ними и богом должен служить священник, назначенный из Гамбурга, в то время как архиепископа Гамбургского назначили из Рима. Но, так или иначе, поскольку Отта-кейсар и архиепископ получают от нашего соглашения несомненные выгоды, будет справедливо, если они в ответ окажут и нам кое-какие незначительные услуги.

– Что ты имеешь в виду?

– Отта-кейсар и архиепископ ведь не хотят, чтобы в Хейдабьор вернулся Олав, от которого в Гамбурге не дождутся даже хвоста селедки? А значит, они должны будут помочь мне отстоять эти земли от его притязаний, если он приведет войско из Швеции – а это мы считаем весьма вероятным.

– Ты хочешь, чтобы король Оттон участвовал в твоей войне с Инглингами, если они вновь предъявят свои права?

– Да, и никому не покажется странным это желание, коли уж мы идем на уступки и позволяем архиепископу в Гамбурге богатеть за счет податей с *нашей* земли.

– Дать на это согласие у меня нет полномочий. – Хорит покачал головой. – Мне, смиренному служителю матери нашей церкви, не пристало вмешиваться в дела войны. Мы желаем нести мир, как завещал нам Господь наш Иисус Христос, и только дело мира между тобой и Оттоном берусь я устроить.

– Большое может начаться и с малого. – Горм не стал упорствовать. – Но раз уж я дам согласие не вмешиваться в отношения вашей церкви с ее чадами, я жду, что Отта, как посредник между мной и архиепископом Адальдагом, тоже не станет вмешиваться в то, что его не касается. Иными словами, я хочу получить от него или его доверенных представителей клятву на тех священных чашах, которые вы употребляете для богослужений, что Отта не станет помогать Олаву. Это ты можешь нам обещать?

– Ты, вероятно, хочешь получить клятву на Библии? – уточнил епископ, сожалея в душе о дикости данов: самыми священными предметами христиан они считают золоченые чаши для причастия, равняя их с теми жертвенными чашами, в которые сами собирают кровь убиваемых перед идолами животных, а то и людей.

– Да, можно клятву на тех книгах, которые у вас лежат на алтаре в каждой церкви, – покладисто согласился Горм. – Но я должен быть уверен, что Отта с этих пор считает Южную Ютландию моей землей и не станет поддерживать никого другого, кто вздумает назвать себя ее хозяином.

– Дать такую клятву от имени короля Оттона он позволил мне, хотя клятвы и не одобряются Господом Богом нашим, – в свою очередь согласился Хорит, зная, что ради славы святой церкви иной раз приходится идти на уступки обычаям язычников. – И, возможно, благоволение твое распространится также на епископии, учрежденные в Рипе и Архусе, – заикнулся было Хорит, но Горм махнул рукой:

– Об этом после. Я должен буду посоветоваться с моими людьми.

А Гуннхильд и Асфрид оставалось лишь молча, служа украшением скамей, наблюдать, как бессовестные соседи делят власть и доходы с их собственных родовых земель. Однако обе прекрасно понимали, что говорить епископу о Кольце Фрейи бесполезно, а показывать его Горму – неразумно.

* * *

В этот вечер Гуннхильд ушла в девичью, будучи близка к отчаянию. Кнютлинги уже почти приобрели союзника в лице короля саксов, который будет если не помогать им в борьбе за земли Инглингов, то хотя бы и не мешать. А положение ее родичей становилось заметно хуже.

– Не думаю я, что Оттон станет помогать им войском, – утешала ее Асфрид. – Это обойдется ему слишком дорого, он не сможет выжать из наших христиан сразу столько денег, чтобы окупить свои расходы на войну, а что будет дальше, знают только боги. Ведь Горм всегда может снова запретить выплату этих податей, упирая на то, что борьба с Инглингами, в которой Оттон ему не помогает, обходится слишком дорого.

– Но он пообещает не помогать и нам!

– Олав после смерти Гильды, а потом герцога Бертольда и сам не слишком рассчитывал на его помощь. А с тех пор как он прекратил церковные выплаты, рассчитывать и вовсе стало не на что.

– Но отец тоже мог бы возобновить эти выплаты. Это дешевле обойдется, чем потерять все.

– Ты разве не знаешь своего отца? Но даже если бы случилось чудо и в нем пробудился разум, это не помогло бы. У Отты хватает своих врагов: венды, венгры, да и франки, его подданные, не в ладах с саксами. Саксы поднимают мятежи, да и другие герцоги могут сделать то же, что делали твои родственники-баварцы. И со своими кровными родичами ему хватает забот, где уж заниматься нашими делами!

С приходом епископа Хорита кое-что важное изменилось и для самой Гуннхильд. Об этом она узнала на следующий день. Вместе с Асфрид, королевой Тюрой, ее дочерью, невесткой и служанками они пряли в женском покое, как вдруг туда явились Горм с обоими сыновьями, а также с Регнером и Холдором, ближайшими советниками.

– Наши женщины и девы, славные мудростью и красотой, все здесь, в сборе! – обрадовался Горм. – Мы хотели повидать тебя, королева, чтобы воспользоваться твоим мудрым советом.

– Нам уйти, конунг? – осведомилась Ингер, оставляя пряжу и поднимаясь со столь независимым видом, будто эти дела не стоят ее участия.

– Вы с Хлодой можете уйти. А госпожа Асфрид и ее внучка пусть останутся, – сказал Харальд. Он остановился перед Гуннхильд, по привычке засунув руки за пояс и пристально глядя на нее. – Наше дело их тоже касается.

Гуннхильд пробрала дрожь волнения: его вид и тон не обещали ей ничего хорошего. Она бросила тревожный взгляд на Кнута, но тот подмигнул ей с самым радостным и довольным видом, будто его-то, наоборот, переполняли самые лучшие ожидания.

– Конечно, если ты этого желаешь, конунг, – невозмутимо кивнула Асфрид.

Ингер и Хлода вышли, причем первая – с высокомерным и гордым видом, а вторая – с явной неохотой, часто оглядываясь, будто надеясь по лицам угадать, о чем тут пойдет речь. Горм знаком выслал вслед за ними служанок, а сам вместе с сыновьями уселся на освободившиеся места возле Тюры.

– В чем же тебе нужен мой совет, конунг, если ради этого дела ты явился в женский покой? – спросила Тюра.

– А вот в чем. Сыновья твои – уже взрослые мужчины, достаточно умные и сведущие, чтобы спорить со своим отцом. Другой мог бы разгневаться, но я-то понимаю, что один из них, а может, и оба сами станут после меня конунгами и не худо им заранее учиться думать как конунги и принимать верные и справедливые решения.

– Ты мудр, сыновьям твоим очень повезло с отцом! – улыбнулась Тюра, а Кнут воскликнул:

– Я-то никогда не забуду, что счастьем иметь такого достойного отца я обязан своей матери, мудрейшей из женщин! Ты – богиня Фригг среди женщин, матушка!

– Благодарю тебя. Но о чем же у вас вышел спор?

– Я готов согласиться с тем, чтобы те из датчан, которые так глупы, что отказываются от богов своих предков и надеются, будто им поможет совсем чужой, платили подать на церковь

и в конечном итоге помогали обогащаться архиепископу, конунгу саксов и папе Агапитусу в Риме. Уж как те трое будут делить свои деньги, меня не касается. Но Харальду этого мало. Он хочет, чтобы я позволил делать то же самое в Риббе и Орхусе. Он даже хочет, чтобы я позволил строить христианские церкви и в других местах, где их пока еще нет, и даже отменил подать, которую мы сейчас берем с христиан за отказ от участия в жертвоприношениях.

– Но, наверное, у Харальда есть какие-то причины для таких странных желаний? – Тюра с вопросительным видом повернулась к младшему сыну.

– Да уж конечно, они у меня есть! – живо заговорил тот. – Или вы не слышали, что нам вчера сказал этот надутый глухарь в крашеном платье? Христианские конунги получают свою власть не от предков, не от тинга, а только из рук самого бога! И только богу они дают отчет в своих решениях и действиях! Или вы не знаете, сколько конунгов лишились власти, а то и жизни из-за несогласия с тингом, с кем-то из хёвдингов, а то и просто потому, что наступил неурожай и богам понадобилась хорошая жертва? Что бы ни случилось в христианской стране, короля не принесут в жертву ради урожая и мира!

– Но ничего подобного не было уже сколько лет! – воскликнул Кнут.

– Не было, но ведь может быть! Древний обычай это позволяет, и если дела пойдут плохо, о нем могут вспомнить. Я, конечно, посмотрю на того, кто попытается принести в жертву *меня*, но в христианской стране никто не имеет права даже помыслить о таком деле. Конунга, каким бы он ни был, поставил над страной бог христиан, и тот, кто не повинуется конунгу, идет против самого бога. Христианские проповедники учат довольствоваться малым, принимать свою судьбу без возражений и, главное, во всем повиноваться конунгу! Христиане верят, что чем хуже человек живет здесь, в Мидгарде, то тем лучше ему будет после смерти в Асгарде... ну, или где там живет Христос. А поэтому, – в воодушевлении Харальд заговорил быстрее и громче, чтобы слушатели не потеряли нить рассуждений, – чем больше бог любит человека, тем более суровые испытания и несчастья ему посылает. Ну, вы понимаете? Чем хуже нам живется, тем, стало быть, сильнее нас любит бог и тем больше мы должны радоваться и благодарить его, ожидая после смерти гораздо лучшей жизни!

– Ты говоришь совсем как их проповедники, – с некоторым удивлением заметила Тюра.

– Было бы нехудо, если бы эти речи дошли до каждого пастуха и рыбака! От этого было бы лучше всем: им – потому что они стали бы считать голод и прочие несчастья благом и сделались счастливее, нам – потому что бедным и притом счастливым народом гораздо легче управлять! И для того, кто хочет объединить страну и править всей Данией, она наиболее подходит! Вот что я вам скажу!

– Тише, Харальд! – Тюра в испуге бросила взгляд на кровлю, будто боясь, что гнев богов поразит ее слишком дерзкого сына немедленно. – Но почему ты говоришь об этом со мной?

– С тобой мы хотели посоветоваться о семейных делах, в которых женщины понимают больше мужчин. – Горм улыбнулся жене, а Кнут просиял и бросил на Гуннхильд веселый взгляд. – Мы подумали, будет не худо, если Отта, глазами нашего гостя Хорита, увидит, что мы не намерены уходить из Южной Ютландии и что у нас есть возможность ее отстоять. А заодно и запастись убедительным доводом для Олава, если он все же приведет войско – из Швеции или из Рёрика, куда его там тролли унесли... Но не годится дурно говорить о будущем родиче, – он взглянул на Гуннхильд. – Нашему сыну Кнуту пришлось по нраву единственная дочь Олава, и нам думается, что лучшей невесты он не смог бы найти. Что вы скажете, мудрые женщины, если на День Госпожи мы объявим обручение?

Гуннхильд вздрогнула, Асфрид переменялась в лице. Тюра ответила не сразу и обратила к двум своим гостям взгляд, полный замешательства. Конечно, она думала об этом, но Асфрид избегала разговоров о возможном замужестве внуки.

– Конечно, я была бы рада приобрести такую замечательную невестку... – начала Тюра и замолчала в нерешительности.

– А я была бы рада знать, что и после замужества моя внучка будет зваться Гуннхильд, дочерью Олава, – многозначительно заметила Асфрид. – Какую свадьбу ты имеешь в виду, Горм-конунг? Такую, при которой за невесту платят выкуп, на которой пьют при свидетелях свадебное пиво, а потом подают «невестину кашу»? Чтобы знатные люди отвели твоего сына к постели моей внучки, а наутро она получила от него достойный ее рода подарок? Ты имеешь в виду такой брак, дети от которого будут гордиться своей матерью, а не стыдиться ее?

– Разумеется! – охотно подтвердил Горм. Гуннхильд при этом невольно бросила взгляд на Харальда и заметила, что он усмехнулся. – Я не больше тебя желаю, чтобы чести твоей внучке был нанесен урон. Мы справим свадьбу по всем правилам достойных людей. Клянусь асами, я желаю этого всем сердцем.

Асфрид, не отрываясь, смотрела на Горма, он на нее. Оба они знали, о чем сейчас должно быть помянуто. Такой свадьбы, о которой они говорили, не бывает без приданого.

– И что же ты хочешь получить в приданое за моей внучкой? – наконец произнесла Асфрид.

– Уж у кого, а у вашего рода не возникнет сложностей с таким простым делом! Вы ведь не бедняки какие-нибудь! Род Олава Старого владеет немалым богатством: у вас есть усадьба Слиасторп, есть еще несколько усадеб, как я слышал, в других местах вашего края, есть право собирать подати с Хейдабьора. Твоя внучка может принести мужу немалое приданое – землей, скотом, челядью, дорогой посудой, красивыми платьями, золотом и серебром. Думаю, вы не будете жалеть добра для такого случая. Ведь она, как жена моего старшего сына и первого наследника, станет со временем королевой Дании! Всей Дании! – подчеркнул Горм. – Ты сама понимаешь, как мудрая и сведущая женщина, до чего глупо скупиться в таком деле.

– Мой род никогда еще не попрекали скупостью, – обронила Асфрид. – И невесты из нашего рода всегда приносили мужьям достойное приданое – золотыми кольцами и серебряными браслетами, нарядными франкскими одеждами, скотом, рабами, железными котлами и позолоченными чашами. Для моей внучки было приготовлено немало такого добра, и все оно хранится в усадьбе Слиасторп.

– Я и не сомневался в этом! – обрадовался Горм. – Но, чтобы не мелочиться, не стоит вывозить все это оттуда. Думаю, будет лучше, если в приданое твоей внучки пойдет вся усадьба Слиасторп – с ее пашнями и пастбищами, пастухами и коровницами, скотом, припасами, утварью и прочим, что ты перечислила. Случай того стоит – будущая королева *всей* Дании не может выходить замуж, будто дочка простого бонда, что получает корову, пару подушек, тюфяк и два платья.

– Рассуждения твои справедливы. – Асфрид подавила вздох. – Но не запрашиваешь ли ты больше, чем можешь получить от меня? Хозяин Слиасторпа – мой сын Олав, я не вправе распоряжаться имуществом без его ведома.

И все находящиеся в женском покое прекрасно понимали, о чем идет речь: Горм хотел получить не одну усадьбу, а всю Южную Ютландию, чьи хозяева владели Слиасторпом.

– Законы позволяют взрослой женщине, тем более вдове, распоряжаться имуществом семьи, если в ней не осталось мужчин, особенно когда женщина такого высокого рода, как ты. Ведь ты не знаешь, где твой сын Олав? Ты даже не можешь утверждать, что он еще жив. Или у тебя есть от него какие-то вести?

– Какие вести я могу получить от сына, сидя в твоём доме? – Асфрид снова вздохнула. – Но мы ведь не имеем и вестей о его смерти. А пока она не доказана, мой сын остается хозяином Слиасторпа.

– Ты – его мать, твой муж умер, ты – старшая в роду, и это достаточное основание для тебя распоряжаться оставшимся без присмотра имуществом. К тому же... нам неизвестно, что отец твоего покойного мужа, Олав Старый, завладел усадьбой Слиасторп благодаря военной силе, а закрепил права своего рода путем брака его сына Кнута с тобой. Ведь это твой отец,

Одинкар-конунг, потомок Годфреда Грозного, владел Слиасторпом и Южной Ютландией, пока туда не явились шведские Инглинги. И благодаря твоему браку властители остальных датских земель признали их владетелями этой части страны. Что было хорошо для наших предков, то хорошо и для нас. Что случилось с тобой и было признано законным, то будет законным и для твоей внучки. Нам известно, что ты носишь титул Госпожа Кольца и хранишь кольцо клятв. Именно ты можешь передать это кольцо твоей внучке, а вовсе не твой сын Олав. Ты имеешь преимущественное право распоряжаться усадьбой Слиасторп и всеми прилегающими землями. И я надеюсь, ты распорядишься ими с присущей твоему роду и возрасту мудростью, во благо себе, своей внучке и всей Дании.

– Я – всего лишь старая женщина, Горм-конунг, – вздохнула Асфрид. – Я и моя внучка находимся в твоей воле. Ты можешь склонить меня к согласию на поступки, которых не одобрит мой сын. Но как мы склоним его признать наш уговор? Не лучше ли мне не давать обещаний, которые, возможно, не будут выполнены?

– Об этом не беспокойся! – заверил Горм. – Мой сын всегда сумеет отстоять имущество своей жены. Думается, мы с тобой одинаково хотим, чтобы свадьба была справлена по всем обычаям, чтобы внучка твоя и после оставалась Гуннхильд, дочерью Олава, и ее дети имели все права потомков законного брака. Мы даже можем включить в наш договор, что усадьба Слиасторп, случись ей умереть, сразу перейдет к ее детям.

Асфрид помолчала. Решалась судьба не только Гуннхильд, но и всего рода ютландских Инглингов. А ведь у них был еще один наследник – двоюродный брат Гуннхильд, Рагнвальд, сын Сигтругга, тоже внук Асфрид. Если старая королева согласится на предложение Горма, и сын ее, и внук останутся ни с чем. А не согласится – ее внучка станет такой же наложницей, как Хлода, и имени своего отца она носить больше не будет, будто безродная рабыня.

Гуннхильд очень хотелось закрыть лицо руками, чтобы по-детски спрятаться от этого выбора, но она сидела неподвижно, стараясь сохранять невозмутимость. О, если бы ей сейчас предстояло умереть, она, дочь и внучка конунгов, пошла бы на смерть с самым веселым видом. Но как веселиться, когда грозит бесчестье?

– Ты ведь, Горм-конунг, тоже хочешь, чтобы сделка наша была законной, – наконец ответила Асфрид. – Давай подождем до лета. Если летом не придет никаких вестей о моем сыне и внуке, то я признаю себя вправе распоряжаться Слиасторпом и мы заключим договор. Если же мы поспешим, то наше соглашение не будет иметь никакой цены.

– Ну что ж! – Горм подумал и кивнул. – До лета не так уж далеко. А нам все равно следует спросить согласие тинга.

На этом разговор о сватовстве закончился. Но еще очень долго Гуннхильд не могла думать ни о чем другом. Решалась судьба ее рода – и ее собственная. Но, хотя ей предстояло стать женой Кнута, перед глазами у нее почему-то стоял Харальд – его решительное лицо с прямыми чертами, его жесткая усмешка. Гуннхильд только сегодня заметила, что когда он улыбался, у него правая половина рта поднималась гораздо выше левой и на щеке появлялась продолговатая ямочка, видная под светлой бородой. При ней он редко улыбался... Она чувствовала, что этот человек не очень-то к ней расположен, не доверяет ей, относится враждебно, и это приводило ее почти в отчаяние. А врагам Харальда сына Горма, как она понимала, не позавидуешь. Но кроме тревоги мысли об этом вызывали в ее душе чувство жгучей обиды.

Но даже если бы Харальда вовсе не было на свете, положение Гуннхильд не стало бы легче. Если Горм и Олав не договорятся, ей грозит участь Хлоды – сделаться наложницей, взятой без приданого, согласия родни и свадебных даров. Но другой исход: настоящая свадьба, выкуп невесты, Слиасторп в приданое – вынудил бы ее ограбить собственный род, сделать отца и брата бесприютными бродягами! Морскими конунгами, чей дом – корабль, подданные – дружина, подати – то, что удастся раздобыть мечом в чужих краях. Королева Асфрид, как Госпожа Кольца, вправе передать внучке Кольцо Фрейи, а с ним и благословение богов. Спра-

вят свадьбу, Кнут с женой поедет к фьорду Сле, соберет тинг, объявит о произошедшем, и местные хозяева, не говоря уж о хёвдингах вика, принесут ему обеты мира и покорности. Лишь оговорив, как водится, что он не будет посягать на их права и позволит жить по своим обычаям. И даже если Олав и Рагнвальд вернутся *после* тинга, они уже будут здесь никто. Бывшие подданные не поддержат их, и им останется только одна страна – Широкосинее море.

Если бы Гуннхильд приходилось выбирать только между своим счастьем и честью рода, она не колебалась бы ни на миг. Но ведь если она станет наложницей Кнута, ее род тоже будет опозорен! Все дороги, которые она могла разглядеть перед собой, вели в темные тупики. О хоть бы Фрейя еще раз подала ей мысль, как со всем этим справиться, какой путь выбрать, чтобы имя ее не поминали с негодованием и презрением! И пусть бы ей пришлось войти в горящий дом – она без страха шагнула бы вперед, лишь бы уберечь честь своего рода, как Сигне, дочь Вольсунга; Гудрун, дочь Гьюки; Брюнхильд, дочь Будли и прочие женщины древности, образцы стойкости и мужества во имя чести.

А ведь одна из подобных женщин сейчас сидит рядом с ней, бок о бок. Гуннхильд подняла глаза на бабушку Асфрид. Старая королева невозмутимо пряла, но Гуннхильд чувствовала, что та тоже в смятении и тревоге. Отец Асфрид был конунгом Южной Ютландии и хозяином Слиасторпа еще до того, как туда явился Олав Старый. Свадьба Асфрид и Кнута, сына Олава, была, разумеется, справлена по полному обряду, и уже больше сорока лет Асфрид носила ключи в знак своего положения истинной и единственной хозяйки. Но... как оно все тогда было?

– Бабушка... – прошептала Гуннхильд, придвинувшись ближе и пользуясь тем, что Тюра завела с дочерью и невесткой какой-то разговор насчет хозяйства. – Ведь твой отец был конунгом... а потом стал Олав Старый. Они ведь... враждовали между собой?

– Да. – Асфрид кивнула с некой обреченностью, понимая, что внучке нужно разобраться в прошлом семьи, чтобы понять свое собственное будущее. – Олав Старый приходил к нам несколько лет подряд, и каждый раз приводил все больше войска. Погиб сперва мой отец, потом мой старший брат Годфред, потом сам дед. В конце концов мы остались вдвоем: я и мой младший брат Аскар. Ему было четырнадцать лет. И дружины у него оставалось очень мало. Но он поступил как мужчина: послал Олаву вызов на поединок, предлагая, чтобы победитель владел Слиасторпом и всеми землями. Но поставил условие, чтобы если победителем останется Олав, то он взял бы меня в законные жены. Олаву было тогда уже за сорок, ему показалось стыдно драться с четырнадцатилетним подростком. Он выставил бойцом своего сына Кнута. Тому было где-то лет двадцать. Он был гораздо сильнее Аскара и опытнее. Конечно, он победил... И это означало, что боги на их стороне.

Госпожа Асфрид говорила ровным тоном, но по мере рассказа голос ее звучал все тише и слабее, голова клонилась, движение пальцев замедлялось, пока веретено и нить совсем не замерли. Перед глазами ее как наяву вставали видения пережитого более сорока лет назад.

– Но Олав полностью выполнил условие, – продолжала она. – Только объявил, что раз уж победу одержал Кнут, то и мужем моим должен стать он. Сам Олав был уже так потрепан жизнью, что... – Асфрид все же сумела усмехнуться. – Я потом ни разу не замечала, чтобы ему требовались женщины. А мы ведь прожили в одном доме еще лет восемь. Он просто не захотел опозориться с шестнадцатилетней женой. Но я стала законной хозяйкой в своем собственном доме, подле могил моих предков и родных. Иногда я думала... да, и я могла бы поступить, как Гудрун. Убить своего мужа, детей, себя... У меня в ту пору было больше детей – я родила семерых, но выросли только трое, остальные умерли маленькими, и ты не застала их на свете. Я могла бы сама положить всему этому конец, но тогда от моего рода ничего не осталось бы. Он не был бы продолжен, и мои предки лишились бы возможности когда-нибудь в будущем возродиться. А сейчас у них еще есть такая возможность...

Асфрид подняла глаза к лицу Гуннхильд, и той показалось, что на нее смотрят все ее бесчисленные предки – и те, кого она знала, и те, чьи имена растворились в могучем потоке времен. Смотрят с надеждой, как на последний свой путь в новую жизнь.

* * *

Вечером за столом все домочадцы и гости Горма смотрели на Гуннхильд с новым любопытством. То ли кто-то из участников знаменательной беседы проговорился, то ли стены женского покоя ради такого случая отрастили несколько пар ушей, но уже все знали, что Гормконунг посватал Гуннхильд за Кнута и хочет получить в приданое Слиасторп. И многие, веря, что дочь Олава станет не наложницей и рабыней, как иные в ее положении, а королевой Дании, уже кланялись ей ниже и улыбались приветливее, чем раньше, всем видом выражая приязнь и готовность услужить. Гуннхильд принуждала себя улыбаться людям, но улыбка выходила натянутая. Она чувствовала себя стоящей на жердочке, где с одной стороны ждет яма предательства своего рода, а с другой – рабства. Но даже выбор, куда упасть, очень мало зависит от ее воли.

На нее так и глазели бы весь вечер, если бы домочадцев и гостей не отвлекло забавное происшествие. Еще в начале ужина Гуннхильд заметила, что в кучке бродяг, сидевших на земле у самого порога и терпеливо ждавших, пока кто-нибудь бросит им со стола обглоданную кость или корку хлеба, появилась пара новых лиц. Мужчина сразу бросался в глаза – уже немолодой, седой и морщинистый, но не сказать чтобы дряхлый, из тех, кому может быть или тридцать с чем-то, или пятьдесят, да он и сам, должно быть, хорошенько не знает. Растрепанные волосы и нечесаная борода, пегие от седины, придавали ему еще более неряшливый вид, если это только возможно. Одет бродяга был в рубаху из многочисленных кусков шерсти разного цвета и вида, неровных и соединенных между собой самым причудливым образом; одни заплатки были пришиты на другие. Тощие ноги были обвиты длинными обмотками, тоже сшитыми из обрывков тканых полос разной ширины и цвета. Видимо, нищий подбирал сносенное тряпье и вырезал из него куски поцелее. Рядом лежал посох, а на коленях он держал берестяную миску, дожидаясь подаяния.

Возле мужчины пристроилась девушка, судя по непокрытой голове; она сидела, обняв колени и спрятав в них лицо, так что с первого взгляда Гуннхильд приняла ее за большую собаку. Но вот кто-то, проходя мимо, толкнул ее, и оказалось, что это человеческое существо: девушка подняла голову и, видимо, что-то бросила вслед прошедшему. Некрасивое бледное личико имело при этом самое сердитое выражение, обозначая готовность постоять за себя. Возраст ее был тоже непонятен – может, четырнадцать, а может, вдвое больше. Темные волосы, немытые невесть сколько, были спутаны, а худа она была настолько, что не верилось, будто она когда-нибудь ела в своей жизни.

Со смесью жалости и презрения Гуннхильд рассматривала девушку. И в Слиасторпе немало бывало таких вот «гостей», которых никто не звал, но обычно им не отказывали в приеме, повинаясь старинному обычаю. Мать ее, христианка, учила, что с нищими в дом приходит сам Господь, Богоматерь или святые, поэтому нужно относиться к ним по-доброму. Бабка Асфрид, наоборот, не любила бродяг, помня, сколько раз с ними являлись заразные хвори. Иной раз целые семьи, хутора и усадьбы платили жизнью за то, что принимали хворого бродягу. В Слиасторпе была даже поставлена за оградой двора особая баня для таких, чтобы они смыли с себя грязь и вшей прежде, чем войдут в хозяйский дом.

– У вас нет обыкновения заставлять нищих мыться, перед тем как пускать? – спросила Гуннхильд сидевшую рядом Ингер.

– Зачем Грим впустил эту дрянь! – возмутилась та, посмотрев туда, куда ей показывали. – Ему же приказано отгонять их собаками!

– Но раз уж они вошли, выгнать их теперь нельзя, – заметила Хлода. – Может, у вас в Слиасторпе другие порядки, а у нас если гость вошел, ему дают погреться и поесть!

– У нас тоже принимают гостей, кто бы он ни был! – возмутилась Гуннхильд. – Но гостям не хуже от того, что им предложат сперва вымыться.

Она давно заметила, что Хлода пользуется всяким случаем, чтобы сказать ей колкость, но старалась не отвечать тем же. Если ей суждено стать королевой, Хлоде придется сдерживать себя, а если Гуннхильд не повезет и она станет такой же наложницей, то лучше не переводить неприязнь в открытую войну.

– Молчи, дура! – вместо нее бросила невестке Ингер. – Вот она сделается королевой и пошлет тебя чистить котлы!

– Как бы ей самой не заняться этой работой! – огрызнулась Хлода. – Когда женщина выходит замуж таким образом, от нее не жди добра! Скорее, она убьет своих детей и подаст их мясо мужу на стол, а потом убьет его и себя!

– Ты о себе говоришь? – в негодовании не сдержалась Гуннхильд. – Ты ведь тоже вышла замуж таким же образом! Но поужинать собственными детьми твоему мужу нечего бояться – не скоро еще он хотя бы увидит детей от тебя!

– Что, Хлода, получила! – усмехнулась Ингер. – Так тебе и надо! Меньше будешь распускать свой злобный язык!

– Да что ты привязалась ко мне? – возмущалась Гуннхильд. – Что я тебе сделала?

– Женщины, которые пялят глаза на чужих мужей, никогда не получают своего!

– Я пялю глаза на чужих мужей! – Гуннхильд кровь бросилась в лицо от возмущения. – Ты соображаешь, что говоришь?

– Отстань от нее! – Ингер весьма ощутимо толкнула невестку в плечо, так, что та покачнулась и ударилась спиной о стену. – Это Харальд пялит глаза на нее, и уж не она виновата, если он у своей жены не находит того, что ему нужно!

– А ну-ка прекратите! – повернувшись, строго одернула их Тюра. – Что за свару вы затеяли прямо за столом, при мужчинах и гостях! Как не стыдно!

Спорщицы замолчали и уселись прямо, с застывшими лицами глядя перед собой. Три сидящие в рядок знатные молодые девы, красивые, нарядные и с детства приученные с достоинством держать себя на людях, могли бы сойти за юных норн, однако в душе каждой кипели чувства возмущения и неприязни.

– Однако, конунг, и правда нехудо бы расспросить этих людей, откуда они и нет ли в тех краях какой повальной хвори, – заметила Тюра своему мужу. – Ты знаешь, это бывает, люди бегут от болезни, а она едет у них на плечах.

– Эй, ты! – крикнул Горм бродяге, и многие, услышав голос конунга, обернулись посмотреть, к кому он обращается. – Да, ты, лоскутный человек!

– Теперь вижу, что ты желаешь говорить со мной! – Так точно обозначенный бродяга поднялся на ноги и почтительно поклонился Горму. – Ты, конунг, умеешь с одного взгляда подметить самое главное во всяком.

– Подойди поближе. Не слишком близко, а только чтобы я мог тебя слышать! – распорядился Горм.

Бродяга прошел между помостов, на которых стояли столы, мимо пылающих очагов на земляном полу. Сидящие за столами сторонились, чтобы не коснуться его лохмотьев.

На ходу он заметно хромал – видимо, его левая нога когда-то была перебита и неправильно срослась; одно плечо было выше другого. Вблизи он оказался еще безобразнее: обветренное лицо с левой стороны пересекал кривой, неровно заживший шрам, зубов слева не было ни на верхней, ни на нижней челюсти, полуприкрытый левый глаз тускло мерцал из-под века. Тем не менее выражение лица у нищего было оживленное, будто он полностью удовлетворен и собой, и окружающими.

– Стой там! – остановил его Горм, когда заметил, что Тюра сморщилась. – Отсюда нам тебя уже хорошо видно. Ну, ходячий мешок обрезков, как тебя зовут?

– Опять ты сказал почти правду, конунг! – Бродяга снова поклонился. – Зовут меня Кетиль, хотя в котел рта моего обычно бывает почти нечего положить, а прозвище мое Заплата.

– Видать, немало дворов ты обошел, где сердобольные хозяйки давали тебе по обрезочку шерстяной ткани?

– Истинно, немало обошел. Мне на пользу пойдет и такая одежда, которую последний бедняк выбросит, посчитав негодной, а в Бьёрко случалось мне подбирать и те кисти, свитые из ветхого тряпья, которыми добрые люди смолят корабли. Моя дорогая дочь отстирывает их и пришивает, чтобы прикрыть старые кости своего отца от сурового зимнего ветра.

– А эта... э... девушка – твоя дочь?

– Сдается, ты сказал правду, конунг. Правда, ее матери я никогда не видал, а об отце и подавно разговора не было, тем не менее она моя дочь. Таким жалким людям, как мы, боги не посылают ни дома, ни родни, и если построить себе дом нелегко, то раздобыть родню гораздо проще.

– Короче, ты подобрал ее на куче отбросов на причале в каком-нибудь вике? – уточнил Харальд.

– Сдается, и ты сказал правду! – с самым благодушным видом подтвердил Кетиль. – О таких бедняках боги и люди не заботятся, чтобы обеспечить приличной родней, приходится нам позаботиться о себе самим.

– Как же зовут твою прекрасную дочь? – усмехнулся Горм.

– Как у всякого любимого ребенка, у нее много имен. Дочь моя мила и добра, но почему-то люди зовут ее иногда Осой, иногда Блохой, или Злючкой, иногда Колючкой или Занозой, иногда Грязнулей, или Замарашкой, или Оборванкой, или Неряхой, или Язвой, или Заплаткой, или Болячкой...

– Довольно! – остановил его Горм, опасаясь, что перечень будет продолжаться до утра.

– Вредина, Злючка, Колючка! – заметил Харальд. – Не очень-то похоже это на людские имена. Может, вы тролли – ты и твоя дочь?

По лицам людей за столами пробежала тень, послышался ропот. В самом деле, да люди ли они – этот бродяга, отвратительный на вид, наглый и неуместно разговорчивый, и его неприветливая дочь, будто вылезшая из холодной могилы погреться у людского очага.

– Уж не колдуны ли они? – заговорили вокруг, и Тюра брезгливо поморщилась.

– Гнать их отсюда!

– Бросить в воду!

– Давайте поднимем ей подол и посмотрим, нет ли там хвоста! – весело предложил кто-то из хирдманов.

Чьи-то руки потянулись к оборванному платью девушки. Похоже, оно было перешито из мужской рубахи и тоже усеяно заплатами, как осенняя земля палыми листьями; короткий подол она надставила, судя по виду, обрезками старых мешков.

Девушка отпрыгнула, отмахнулась тонкой рукой, похожей на сухую ветку, оскалила зубы, будто настоящая нечисть.

– Нет, нет! – крикнула Тюра. – Я запрещаю! Не желаю видеть такую мерзость, даже если у нее и правда есть хвост.

– Что ты скажешь на это? – обратился Горм к Кетилю. – Не колдуны ли вы или тролли? Если так, то мне придется отказать вам в гостеприимстве.

– Нас уже проверяли, – спокойно заверил Кетиль. – И меня, и мою дочь достаточно часто били, и было неоспоримо установлено: кровь у нас красная, как у всех обычных смертных.

– Тебе не откажешь в присутствии духа, – заметил Горм.

– Чем богаты, тому и рады! – развел руками Кетиль.

– Зачем пачкать кровью пол в доме? Я бы лучше надел им по мешку на голову, да в воду, – добавил Холдор. – Уж это средство проверенное.

– Как тебе будет угодно, ярл. – Кетиль поклонился и ему. – А нам бояться нечего. Христос, сын Марии, обещал, что такие, как мы, после смерти получают большие владения на небесах, и уже навсегда. Поскольку здешняя наша жизнь незавидна, тот, кто поможет поскорее ее окончить, окажет нам добрую услугу.

– Да вы еще и христиане? – изумился Харальд.

– Конечно! – оживленно подтвердил Кетиль, будто иначе и быть не могло. – Я крестился четыре раза, а дочь моя молода и успела только дважды. И каждый раз для начала нас водили в баню, говорили нам разные хорошие слова, потом кормили досыта, а главное, давали по хорошей новой рубахе, так что если представится возможность, мы с удовольствием покрестимся еще!

Многие засмеялись при этих словах. Харальд тоже усмехнулся и бросил взгляд отцу: дескать, помнишь, о чем я говорил? Горм остался серьезным: видимо, слова бродяги заставили его задуматься о чем-то своем.

– Однако, хотя Христос сильный бог, мы не забываем и других – Одина, Фрейра, Тора и прочих, – продолжал Кетиль. – И если мы попадаем в богатую, или даже не очень богатую усадьбу на пир и нам предлагают костей от жертвенного мяса или хотя бы дают оттереть корочкой котел из-под него, мы никогда не отказываемся, никогда!

– Даже в пост? – усмехнулся Харальд.

– Поститься нам приходится часто, притом независимо от своего желания, так что Христос не обидится, если мы понюхаем мяса в тот день, когда будет возможность. Он ведь очень добрый бог и жалеет бедняков.

Однако эти шутки настроили гостей конунга на снисходительный и благодушный лад, и принадлежность бродяг к роду человеческому приняли на веру.

– Ты, стало быть, прибыл из Бьёрко? – вспомнил Горм.

Бродяга поклонился в знак согласия.

– Что же за корабль такой пошел в это время по морю? – недоверчиво спросил Харальд.

– Прости, не могу ответить на твой вопрос. – Оборванец развел руками. – Может, хозяин его и говорил свое имя, а может, не говорил, но в моем дырявом старом котелке оно не задержалось. Да и к чему – я не буду вести с ним торговых сделок, ибо могу предложить лишь мудрость, накопленную в долгом пути по дороге жизни, а ее покупают так неохотно!

– Да он мудрец! – восхитился Горм. – Редко услышишь такие складные речи от бродяги. Может, ты еще и стихи слагаешь? Ты часом не скальд?

– Может, я и скальд, если скальдом называют того, кто слагает стихи.

– И что же это за стихи? – Горму давно не случалось так позабавиться.

– Как порядочный и учтивый гость, я готов сказать хвалебный стих хозяину дома, если ты позволишь.

– А он весьма самоуверен! – удивился Кнут. – Вот так скальд? Из какой помойной ямы ты вынырнул?

– Отчего же нет? – все же с некоторым сомнением ответил Горм. – Пожалуй, я разрешу тебе сказать твой стих.

Злобный зверь желудка
Дом души терзает.
Раздаватель крепких корок
Не пропустит чашу скальда! –

с видом скромного достоинства произнес бродяга, протягивая к Горму свою чашку и рисуя как свой голод, так и надежду на гостеприимство хозяина.

Для тебя, владыка данов,
Лось лесов дешевле сельди.
Светом вод мне мнится
Хвост клинка котельна.

– Клинок... котельный? Клинок котла? – удивился Горм. – Я слышал немало стихов, но не берусь разгадать этот кеннинг.

– Но ведь часто скальды зовут меч *рыбой крови* или *змеей ран*, – пояснил беззубый скальд. – А значит, можно назвать и селедку *клинком котла*.

– Не сказал бы я, что этот стих безупречен, – проворчал Горм.

– Эти стихи, как его рубашка и обмотки, все из разных обрезков и обносков, не подходящих один к другому! – Харальд усмехнулся и качнул головой. – Чужих причем.

– Ты опять увидел самую суть! – Кетиль по прозвищу Заплата поклонился Харальду. – Каков скальд, таков и стих. Но заметь, конунг: хоть стих мой и неказист, не часто знатные люди слышат такие искренние восхваления и надежды, идущие от самого сердца! – И он снова поклонился, словно невзначай протягивая к Горму свою берестяную миску.

– Все скальды очень искренни в надежде получить что-нибудь за стихи! – засмеялся Кнут. – Просят ли они золотых колец или селедочных хвостов.

– Ну уж селедочный хвост за такой стих можно дать, хоть и не думаю, что у меня сильно прибавится от него удачи, – решил Горм.

– Зато у меня заметно прибавится удачи, если я получу селедочный хвост от самого конунга!

– По крайней мере, он не старается казаться лучше, чем есть, – заметила Тюра, делая знак служанкам исполнить это скромное желание. – Но ты лучше скажи, нет ли в Бьёрко какой-нибудь болезни? Почему ты уехал оттуда, да еще зимой?

– Позвал меня в поход через зимнее море самый могущественный конунг из всех, кто только есть на свете.

– Кто же это? – Горм поднял брови.

– Имя ему – Голод, а жена его, королева, зовется Нуждой. Ибо любого человека, кто бы он ни был и где бы ни жил, эти король и королева имеют власть сорвать с места и погнать на край света.

– Не откажешь этим словам в справедливости! – Горму все больше нравилось беседовать с бродягой. – Эй, дайте ему пива! Не годится, чтобы такая мудрость изливалась из сухой глотки.

– Так мне хотелось бы знать наверное, что у этих короля и королевы сейчас нет дочери по имени Болезнь, – настаивала Тюра.

– Не могу ручаться, что все люди в Бьёрко здоровы, но не более и не менее, как всегда.

– Неужели там стали плохо подавать?

– В Бьёрко, того и гляди, не началась бы война. Эта дочь нередко родится у короля Голода и жены его Нужды, и никому неохота попасть ей под руку. К знатым людям Война бывает милостива, посылая к ним тех своих детей, что зовутся Славой, Добычей, Наградой, а вот к бедным людям приходят иные дети ее – что зовутся Разорение, Холод и Смерть.

– Но кто с кем собирается воевать в Бьёрко? – задал вопрос Харальд, пока остальные представляли себе вереницу этих царственных особ.

– Старый конунг Бьёрн совсем почти что рассорился со своим сыном Олавом. К ним приехал в гости другой конунг, их дальний родич, тоже Олав, и просил о помощи, и вот они

никак не могут решить, оказывать ее или нет. Молодой конунг стоит за то, чтобы оказать, а старый – за то, чтобы не лезть в чужую драку.

Гуннхильд ахнула, все в гриде обратили взгляд к ней. Ее отец! Впервые за много месяцев она услышала что-то о нем. Он в Бьёрко, и конунг шведов не хочет ему помочь!

– Хм! – Горм тоже глянул на девушку. – А не знает ли Олав о том, что его мать и дочь находятся у меня в доме? Хотя бессмысленно спрашивать об этом такого вшивого мудреца...

– Ты прав, конунг, на пирах Бьёрна мне обычно доставалось место так далеко от почетных, что я не могу сказать ничего об этом.

– Тогда, пожалуй, нам не о чем с тобой больше говорить.

Горму надоела эта беседа. Тюра кивнула управителю, Кетиля с дочерью отвели в уголок и положили им по полной миске каши, сопроводив ее большим куском хлеба. Весь остаток вечера Кетиль кланялся, сидя на приступке, каждый раз, когда ему казалось, что конунг поворачивается в его сторону. Правда, Горм больше ни разу на него не взглянул и, похоже, забыл о бродячем мудреце.

* * *

Но Горм лишь сделал вид, будто забыл о бродяге. Назавтра он послал поискать в ближней округе корабль и людей, которые привезли Кетиля Заплатку. Уже то, что корабль пристал где-то в другом месте и его хозяин не явился в Эберггорт, казалось подозрительным и Харальду, и Холдору Могучему.

Долго искать не пришлось. Пришедший из Бьёрко корабль – снека на двадцать весел – объявился в ближайшем соседстве, в усадьбе Гестахейм, у Фроди Гостеприимного, человека хорошо известного и вполне надежного. Узнав об этом, Харальд не поленился самолично съездить в Гестахейм, чтобы посмотреть на отважных зимних мореходов.

Хозяином снеки оказался готландец по имени Бергрэн: крепкий мужчина лет пятидесяти, с полуседой бородой, рассудительный по виду, державшийся спокойно и с достоинством. Прослышав о том, что с ним хочет увидеться сын конунга, он вышел, одевшись как следует: в льняной рубаше с отделкой из красного шелка, в зеленом шелковом кафтане с нашитыми на груди полосками тесьмы, серебряными пуговками. Серебряная цепь с подвеской «молоточком Тора» говорили о том, что в своем деле он удачлив.

– Судя по одежде, ты бывал на Восточном пути, – заметил Харальд.

– Это правда, конунг, – кивнул Бергрэн. – От Готланда всего несколько дней дороги до Альдейгъ, если повезет с погодой, и я бываю там почти каждый год.

– Что же тебя занесло в наши края?

– Там, в Гардах, хороший спрос на мечи. За клинки рейнской работы можно немало выручить. Думаю закупить их да отправиться туда этим же летом.

– Что же ты не пришел к нам в Эберггорт? Многим будет любопытно послушать про Гарды, – сказал Харальд, вспомнив, как совсем недавно они с отцом и приближенными говорили о судьбе гардских Инглингов. – Ведь, я слышал, в Гардах правят потомки Ратбарда и Рандвера, того, что был единоутробным братом Харальда Боевого Зуба.

– Когда-то в Альдейгъ действительно правили люди из этого рода, но последний из них умер еще до того, как я попал туда впервые. Правда, я видел его курган, и столь великих мало найдется даже в Северных Странах.

– Кто же там правит сейчас?

– В Альдейгъ власть часто меняется в последние десятилетия. Был там один датчанин, Хродрик, и вроде говорили, что он из родичей Харальда Ворона, что правил одно время в Хейдабьоре, а потом во Фризии. Потом был еще один вождь, Хельги, тоже, как говорят, из

датских Скъёльдунгов. У него не осталось сыновей, и наследовал ему сперва внук, тоже Хельги, а потом один родич, Ингейр или Ингвар, муж племянницы старшего Хельги.

– А куда же делся Хельги-внук?

– О нем ничего не слышно в последние годы. Может, он убит, а может, изгнан. Я не знаю точно и не хотел бы ввести тебя в заблуждение. В Кенугарде его не надо – тот Ингвар правит не один, а совместно со своей женой и даже сыном, хоть тот еще почти дитя.

– Это весьма любопытно. Мы были бы рады, если бы ты заехал вечером к нам в Эбергорд.

– Благодарю за приглашение.

– А долго ты пробыл в Бьёрко? – спросил Харальд, не желая упустить случай выведать что-то прямо сейчас.

– Нет, всего пару дней.

– Видел Бьёрна-конунга?

– Нет, я не был на Адельсё.

– Верны ли слухи, будто Бьёрн-конунг поссорился со своим сыном Олавом из-за ютландских Инглингов, из-за Олава Говоруна?

– Не знаю ничего об этом. – Бергрэн покачал головой. – Но в Бьёрко вроде бы все спокойно. Кто тебе рассказал?

– Да тот бродяга, что ты привез.

– А, этот нищий мудрец, весь составленный из лоскутков и заплаток! – Бергрэн рассмеялся. – Да, я взял его с собой.

– Неужели он заплатил за перевоз?

– Чем же он может заплатить – разве что парочкой вшей! Нет, я довез его бесплатно. У меня такой обычай: если нищие просят помочь им добраться куда-то и у меня есть для них место, я всегда беру одного-двух. А эта его дочь весит, как курица, и места занимает не больше!

– Станный обычай! Ты, видимо, очень добрый человек. И не боишься, что стянут что-нибудь?

– Говорят, в каждом нищем к нам приходит сам Господь и кто помогает нищему, тот помогает Богу, а уж Бог в долгу не останется – воздаст если не в этой жизни, то на небесах. И я думаю, если у меня на корабле будет парочка нищих, то Господь побережет корабль – если не ради меня, ибо все мы грешны, а ради нищих, ибо они всегда блаженны.

– Да ты христианин! – сообразил Харальд, кстати приметив на серебряной цепи Бергрена небольшой бронзовый крест ирландской работы, до того прятанный под «молоточком Тора».

– Особенно когда нищие – тоже христиане, – кивнул Бергрэн. – Эти «хирдманы Христа» любят путешествовать – когда на старом месте примелькаются и хозяевам наскучат их байки.

– А никто из тех, кто с тобой приехал, не знает ли о Олаве побольше?

– Да со мной почти никого и не было. Кроме моих людей и той пары побирушек, я привез только кузнеца с двумя подручными, он ищет работу. Да и все. Ты же видел мой корабль – на нем особо много не увезешь, поэтому я предпочитаю такой груз, какой занимает не слишком много места.

На этом Харальд и распрощался с готландцем. Тот вскоре приехал в Эбергорд и немало порадовал Горма и его гостей рассказами о Гардах, о событиях в той стране и разных товарах, которые перевозятся туда и оттуда. Зашла речь о мечях, которые Бергрэн хотел купить: хирдманы и гости Горма стали хвастаться своими мечами, их клинками и богатой отделкой. Кнут показал меч, который раздобыл в последнем бою перед виком Хейдабьор, взяв у убитого противника: он и впрямь был хорош, старинной работы, даже с крупной мозаичной бусиной, вделанной в рукоять. Такие бусины издавна были известны и назывались «волшебными камнями». Возможно, когда-то давно вместо них и правда использовались драгоценные камни, и считалось, что прикосновением такого камня можно исцелить рану, нанесенную клинком.

– Но ведь такие вещи дорого стоят, да и у франков запрещено продавать клинки иноземцам, – заметил Горм. – Ты, должно быть, привез очень много серебра?

– Я привез кое-что получше! – улыбнулся Бергрэн. – Я ведь бываю на Восточном пути и прошлым летом привез очень хорошие меха – куньи, бобровые, даже собольи шкурки из Бьярмии. На них у франков и саксов очень хороший спрос, и ради того, чтобы раздобыть их, они готовы даже обманывать собственных королей. Ведь я не ошибаюсь, святой отец?

– Это правда, – с опечаленным видом вздохнул епископ Хорит. – Многих христиан эти знаки мнимой земной славы нередко ослепляют, приводя в безумие.

– Я не располагаю продавать эти меха здесь, но, может быть, девушкам любопытно будет взглянуть на них. – Бергрэн с улыбкой посмотрел сперва на Ингер, потом на Гуннхильд, как ей показалось, особенно пристально. – Они могли бы заехать в ближайшие дни к моему другу Фроди, пока я еще здесь.

При этом он едва заметно кивнул Гуннхильд – а может, ей показалось. Потом он будто невзначай опустил руку на рукоять висевшего на боку скрамасакса – меча он не взял с собой, направляясь в гости к конунгу. Никто ничего не заметил, а Гуннхильд проследила за его рукой и вдруг застыла. Скрамасакс был самый обыкновенный, но шнур, на котором он крепился к поясу! Этот шнур из красной шелковой пряжи она знала очень хорошо, ибо сама его плела. Чтобы совместить красоту и прочность, внутри он был свит из крепких льняных нитей, а сверху одет в шелк. Не далее как прошлой весной она сама его сделала и подарила своему брату Рагнвальду...

Его ли был скрамасакс, Гуннхильд не бралась решить – рукоять и отделка ножен ничем особо не выделялись. Однако насчет шнура она не сомневалась, свою работу ведь всякий узнает. Но как он мог попасть к готландскому торговцу мехами? Похолодев от волнения, она подняла глаза к лицу Бергрэна. Это мог быть или очень дурной знак – если скрам сменил хозяина после гибели ее брата, – а мог быть и очень добрый. Но Бергрэн остался невозмутим – лишь пристальный взгляд его убедил Гуннхильд, что все это не случайно, он хотел, чтобы она узнала шнур!

Однако он явно не хотел, чтобы она задавала вопросы. И Гуннхильд постаралась остаться такой же невозмутимой, ничем не выдать того, что между нею и торговцем завязался свой особый разговор.

– Как бы я хотела посмотреть эти меха! – воскликнула она и бросила прельстительный взгляд Кнуту, намекая, что раз уж он сватается к ней, ему скоро понадобятся хорошие подарки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.